

Правительство Москвы
Департамент культуры города Москвы
Московский институт социально-культурных программ

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура

Выпуск № 2 (31)

Москва, 2011

УДК 008
ББК 71
П71

Редколлегия журнала:

А. Л. Маршак (главный редактор), **В. В. Сергеев** (заместитель главного редактора), **О. Н. Мамонова** (ответственный секретарь), **О. В. Афанасьева**, **С. В. Бабакаев**, **М. Е. Гуляев**, **В. Н. Ксенофонов**, **В. И. Махонин**, **А. Е. Порватов**

Редакция журнала:

В. Г. Донской (заведующий редакцией), **Л. Г. Королёва** (литературный редактор), **А. И. Фомин**, **Ф. Н. Черепанов**

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М. : НИЦ «Академика», 2011. — Вып. № 2 (31). — 112 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей Аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 19 февраля 2010 года № 6/6 (уточнённая редакция от 22.10.2010).

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Московский институт социально-культурных программ, 2011
© НИЦ «Академика», 2011

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

- Иванов В. Н.** Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор
- Сергеев В. К.** Директор Московского института социально-культурных программ, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Члены Совета

- Андреев Э. М.** Главный научный сотрудник ИСПИ РАН, профессор кафедры социологии и политологии ИППК МГУ имени М. В. Ломоносова, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук
- Андреев В. А.** Народный артист СССР, художественный руководитель Московского драматического театра имени М. Н. Ермоловой
- Вдовиченко Л. Н.** Доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии РГГУ
- Викторов А. Ш.** Доктор социологических наук, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, член Творческого союза художников России
- Дмитриев А. В.** Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор
- Засурский Я. Н.** Президент факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор
- Капто А. С.** Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН
- Кузнецов В. Н.** Член-корреспондент Российской Академии наук, профессор, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии культуры, воспитания и безопасности социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
- Кулашик Петер** Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

-
- Маркович Данило** Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия
- Маршак А. Л.** Заведующий кафедрой социологии и гуманитарных дисциплин Российской академии предпринимательства, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почётный работник высшей школы Российской Федерации
- Миронов А. В.** Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почётный работник высшей школы Российской Федерации
- Нарбут Н. П.** Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России
- Петрусек Милослав** Доктор философии, профессор кафедры социологии факультета социальных наук Карлова университета, почётный проректор и декан факультета социальных наук Карлова университета, вице-президент Чешского социологического общества, иностранный член Российской академии социальных наук, Прага, Чехия
- Попов А. В.** Доктор социологических наук, профессор, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации
- Сосунова И. А.** Проректор Академии МНЭПУ, действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор
- Федоряк Н. А.** Кандидат социологических наук, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
- Худяков С. И.** Руководитель Департамента культуры города Москвы, кандидат философских наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации
- Чупров В. И.** Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации
- Швецова Л. И.** Заместитель мэра Москвы в Правительстве Москвы, руководитель Комплекса социальной сферы, кандидат политических наук
- Шкондин М. В.** Заведующий кафедрой периодической печати факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, генеральный директор Научно-методического центра преподавателей и исследователей журналистики, доктор филологических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

| | | |
|---------------|---|---|
| ЯКУТИНА О. И. | Методологические сценарии и категориально-парадигмальные схемы анализа феномена и понятия «социальный успех» / Socially-philosophical concept of «social success»: methodological scenarios and categorical-paradigmatic schemes of analysis | 7 |
|---------------|---|---|

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

| | | |
|-----------------|--|----|
| РАТИЕВ В. В. | Социальные проблемы развития современного информационного общества / Social problems of modern information society | 18 |
| МАРЬЯНЧИК В. А. | Стереотипы в медиаполитическом тексте / Stereotypes in the media-political text | 23 |
| ПОНАРИНА Н. Н. | Влияние глобализации на национальную и культурную идентичность (на основе анализа англоязычной литературы) / Globalization impact on national and cultural identity (English literature analysis) | 32 |

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

| | | |
|----------------|--|----|
| ФЕДОТОВА Н. Н. | Процессуальный характер идентичности: факторы изменения / Processual understanding of identity: factors of changing | 41 |
|----------------|--|----|

АСПЕКТЫ

| | | |
|---------------------|---|----|
| СВЯТОСЛАВСКИЙ А. В. | О некоторых теоретико-методологических проблемах охраны культурного наследия / Some theoretical and methodological problems of cultural heritage protection | 51 |
| ПОТЕХИН В. А. | Либеральные реформы и сильная власть: история и современность / Liberal reforms and the strong power: history and the present | 62 |
| ФЁДОРОВ О. П. | Адаптационные возможности занятий в Университете искусств третьего возраста на базе Выставочного зала «Ходынка» / Adaptable possibilities of employment at University of arts of the third age on the basis of a showroom of «Hodynka» | 72 |

ИССЛЕДОВАНИЯ МИСКП

| | | |
|--------------|--|----|
| ЛЮТОВА Н. К. | Современное состояние и тенденции развития учреждений культуры города Москвы / The modern condition and tendencies of development of Moscow cultural institutions | 84 |
|--------------|--|----|

АРХИВ МИСКП

| | | |
|--|--|-----|
| | Общественное мнение москвичей о практике регулирования миграционных процессов в столице | 93 |
| | <i>КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ</i> | 104 |
| | <i>РЕЦЕНЗИИ</i> | 107 |

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

*ЯКУТИНА Ольга Ивановна,
кандидат социологических наук,
доцент, первый проректор,
НОУ ВПО Институт управления,
бизнеса и права, Ростов-на-Дону
ykutina@iubip.ru*

Методологические сценарии и категориально-парадигмальные схемы анализа феномена и понятия «социальный успех» / Socially-philosophical concept of «social success»: methodological scenarios and categorical-paradigmatic schemes of analysis

Аннотация

Обобщаются теоретические представления о феномене и многоуровневом понятии личного и социального успеха. Проводится анализ различных методологических сценариев и категориально-парадигмальных схем изучения феномена и понятия успеха. Выявляется специфика основных форм знания о социальном успехе: социально-фактуального, социально-практического, социально-философского. Анализируются методологические ходы в формировании социально-философского понятия «социальный успех»: категоризация, типизация, проблематизация и концептуализация.

Ключевые слова

Социальный успех; дискурс социального успеха; мультиметодология; категоризация социального успеха; социально-философское понятие успеха.

Annotation

Theoretical representations about a phenomenon and multilevel concept of personal and social success are generalized. The analysis of various methodological scenarios and categorical-paradigmatic schemes of studying a phenomenon and concept of success is carried out. Specificity of the basic forms of knowledge of social success comes to light: socially-factual, socially-practical, socially-philosophical. Methodological courses in formation of socially-philosophical concept «social success» are analyzed: a categorization, typification, problematization and conceptualization.

Keywords

Social success; a discourse of social success; multimethodology; a categorization of social success; socially-philosophical concept of success.

Социальный успех выступает как социальный феномен и социальное понятие. На уровне повседневного дискурса феномен и понятие неразличимы, на уровне теоретического дискурса социальный успех — понятие со всеми присущими понятию характерными признаками, такими как формы категоризации, уровень обобщения, степень абстрагирования, процессы проблематизации, дихотомичность, родовые и видовые признаки, объём и содержание. Исследование социального успеха как многогранного и многозначного социального феномена и многоуровневого понятия предполагает междисциплинарный подход, основанный на базе мультиметодологии. Под мультиметодологией будем понимать использование различных методологических постулатов, принципов, понятий и представлений из разных систем научного знания и социальной практики, определяющих основные подходы к изучению разных граней социального успеха.

Основной задачей настоящей статьи является обобщение теоретических представлений о личном и социальном успехе. Поскольку личный и социальный успех является многоуровневым понятием, для исследования которого требуется мультиметодология, то такое обобщение, на наш взгляд, должно представлять анализ различных методологических сценариев и категориально-парадигмальных схем изучения феномена и понятия социального успеха.

Первым методологическим ходом в характеристике понятия социального успеха, на наш взгляд, является категоризация. В философии, логике и методологии научного познания категория как методологический ход, характеризующий высшую степень обобщения и абстрагирования, является выражением образования философского метапонятия, своеобразной суперабстракции. Категоризация — это когнитивный познавательный процесс, который осуществляется как в понятийной, так и во внепонятийной форме на различных уровнях познания.

Категоризация на уровне повседневного дискурса есть первый уровень обобщения, дающий представление о личном и социальном успехе, выраженное в социальном сленге в виде так называемых «формул успеха». Их на уровне повседневного дискурса существует большое множество, как и множество представлений о личном, профессиональном, гендерном, политическом и социальном успехе.

К этому же уровню категоризации относятся и так называемые «модели» успеха. Мы берём термин «модель» в кавычки, поскольку большинству гуманитариев свойственно весьма некритически и недифференцированно использовать данный термин и вообще моделирование как метод познания. Обычно под *моделью* в гуманитарных науках, как в данном случае, и под *моделью успеха* понимается предельно упрощённая схема, в которой понятие модели подменяется простейшим функциональным взаимодействием. Так, в современной литературе приводятся самые разные модели успеха. Например, психологическая модель, согласно которой рыночный успех зависит от самообладания и психологического состояния субъекта действия. Или так называемая «научная модель», согласно которой «успешные деятели» получают в первую очередь в результате «постоянного и глубокого исследования».

Что является эвристичным на данном уровне категоризации, так это то, что на уровне повседневного дискурса обобщается идея о том, что антиномичность и дихотомичность представлений о противоречивом единстве различных факторов индивидуального и социального успеха могут быть представлены в виде анализа двух основных групп детерминант успеха: внутренних и внешних. Внутренние детерминанты характеризуют успех в большей степени как психический феномен: это результат действий индивида, мотивированного на успех, саморазвитие, самоактуализацию. И соответственно, рассмотрение успеха есть анализ различных моделей мотивации,

моделей достижений, моделей притязаний, моделей самоактуализации и самореализации.

Вторая группа детерминант — внешние детерминанты успеха. Это весь комплекс, условно говоря, лежащий вне индивида, его психики, его эмоциональной сферы, его мыслительных способностей, вне его личного интеллекта. Внешними детерминантами являются социальные практики успеха. На этом уровне социальный успех выступает как социальный конструкт в реалиях социальных действий, социальных ценностей, социальных идеологий и во всём комплексе социальных реалий: профессионального и гендерного успеха, успеха социализации и социальной адаптации, состязательности и соревновательности успеха, социальной направленности и социальной ответственности успеха, социальных рисков успеха.

Категоризация социального успеха на уровне социальных практик успеха даёт новое знание о нём — социально-фактуальное знание. Здесь социальный успех представляет собой систему различных социальных фактов и их оценки под углами зрения разных социальных установок и ценностей. Категоризация успеха на уровне социальных практик характеризует идеологию социального успеха. А идеология социального успеха выражается в дискурсе социального успеха. Но это уже не повседневный дискурс, а социальный дискурс.

Категоризация социального успеха, представленная его дискурсами, даёт новое социальное знание, в котором извлекаются и интерпретируются различные смыслы социального успеха: социологические смыслы в виде социального ранжирования, социальных ролей, социального престижа, социальной и саксесс-стратификации; исторические смыслы в виде конкретно-исторических моделей; правовые смыслы — как общий формат правового поля; социально-антропологические смыслы в виде его конкретных человеческих параметров; религиозные смыслы, выявляющие духовно-гуманистическую его сущность, и, наконец, социально-философские смыслы как интегрирующая характеристика индивидуального и социального бытия успешной личности в системе социальных условий и ценностей.

Данная категоризация также является многоуровневой. На первом уровне задаётся идеологема социального успеха, на втором уровне она конкретизируется в анализе параметров социальной состязательности и соревновательности, конкурентности и превосход-

ства в соотношении с общими гуманистическими чертами бытия личности в обществе. На третьем уровне она социализируется, выражаясь в социальных ролях, социальном престиже, социальном ранжировании и социальной дистанции. Четвёртый уровень категоризации связан, на наш взгляд, с социальной ориентированностью, он характеризует социальную направленность, социальную ценность успеха и создаёт основу для обобщения представлений о социальной ответственности успешной личности. И наконец, пятый уровень социально-практической категоризации успеха связан с личностно-центрированной социальной ориентацией идеологии социальных практик успеха. Другими словами, общество является «успешным», если оно ориентировано на личность и раскрытие её творческого потенциала, а личность является успешной, если она социально ориентирована.

На социально-практическом уровне категоризация понятия личного и социального успеха имеет метатеоретический характер. Так, на социально-практическом уровне — это обобщение социально-практического познания, которое выражается в конструировании общественного бытия социального субъекта успеха в виде описания и структурирования деятельности социального субъекта по достижению успеха (деятельностная сторона социального конструирования — стратегии успешной деятельности), а также в конструировании пространства действий социального субъекта успеха.

Социальное пространство может иметь разные характерологические особенности: социальное пространство семьи, социальное пространство гендерных ролей, социальное пространство профессиональной деятельности, социальное пространство групповых и межгрупповых социальных отношений и т. д. Соответственно этому формулируется общее социальное пространство жизненного успеха человека, формируются его мотивы, цели, биографические проекты и сама социальная биография социального успеха.

Социально-практическое понятие успеха, данное категоризацией на уровне социальных практик, формулируется посредством типизации различных представлений (социальных смыслов) о характере социального успеха (путём подведения под общие социальные типы) и обобщения этих представлений в виде социально-практической проекции, которая связывается с жизненным путём личности, системой самооценок и притязаний. Именно в таком случае социально-практически осмысленно ставится вопрос о единстве

социокультурного и личностного понимания успеха и противоречивости этого единства, а именно противоречивости между социокультурным и личностным пониманием смысла успеха.

Наряду с этим категоризация социального успеха на уровне социальных практик характеризует включённость актора успеха в социальную общность, в систему взаимодействия с другими действующими индивидами, в систему социальных взаимодействий в разных плоскостях социального пространства. В такой включённости индивида в социальную общность социальными практиками успеха выполняются очень важные социальные функции, превращающие его индивидуальное, личное достижение именно в социальный успех.

На уровне социально-философской теоретической реконструкции это осуществляется в виде понятийной концептуализации. Понятийная концептуализация социального успеха связана с выявлением и анализом значения понятий, в терминах которых эксплицируются многозначность и многоуровневость феномена личного и социального успеха, и категориально-парадигмальных схем, на основе которых это осуществляется. Понятийная концептуализация социального успеха означает выявление исследовательских ходов, посредством которых формируется социально-философское понятие успеха, это обобщённое социально-философское знание о личном и социальном успехе, его факторах, социальных условиях, социокультурных предпосылках. Следуя современным исследователям в этой области, можно выделить множество различных парадигм анализа социального знания.

Классическая философия была ориентирована на натуралистическую парадигму. Натурализм в методологии социальных наук XX века связан с развитием всех разновидностей позитивизма, со структурно-функциональным подходом. Альтернативой натуралистской парадигмы в анализе социального знания вообще и социального знания об успехе стала так называемая культур-центристская парадигма. Согласно культур-центристской программе социальные факты анализируются не как вещи, а в соответствии с мнениями людей, их ценностями и оценками, предпочтениями и действиями по реализации данных ценностей.

Следующей предпосылкой социально-философской концептуализации выступает принцип философского рационализма. Рациональность науки и научного знания в философско-методологической проблематике связана с анализом критериев научной

рациональности и её основных свойств. Так, критерии научной рациональности обычно формулируются в таких понятиях, как понятийно-языковая выразимость, определённая системность, логическая обоснованность, открытость к критике и изменениям, а основные свойства научной рациональности можно перечислить следующим образом: объектная предметность (эмпирическая или теоретическая), однозначность, доказанность, проверяемость (эмпирическая или аналитическая), способность к улучшению¹.

Как правило, выделяют четыре типа научной рациональности: 1) логико-математическую; 2) естественно-научную; 3) инженерно-технологическую; 4) социально-гуманитарную. Каждому из типов научной рациональности соответствует определённый вид знания².

Социальная рациональность как способ отношения человека к миру является компонентом социальной перспективы и выражает связь социальной рациональности с познавательно-преобразующей деятельностью индивидов и групп (деятельностная рациональность). Следует отметить, что функционирование социальных систем тесно связано с их внутренней рациональностью и рациональностью индивида как социального субъекта на микросоциальном уровне. Социальная рациональность может и должна рассматриваться на мезо— и макроуровнях, как субъектность и способность оказывать существенное воздействие на социальные системы строго в соответствии с поставленными целями. В этом отношении социальная рациональность на уровне малых, средних и больших социальных систем характеризуется как организационная рациональность, коммуникативная рациональность (Ю. Хабермас), рациональность социальных целостностей, выраженная в структурно-функциональной логике систем, обеспечивающей их устойчивость, воспроизводимость основных функций и адаптационные социальные изменения.³

¹ Стёпин В. С. От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентаций) // Ценностные аспекты развития науки. М. : Наука, 1990. С. 152–156.

² Федотова В. Г. Эволюция классической концепции истины под влиянием социальной обусловленности науки // Проблема метода в социальном познании. М., 1988. С. 178–219.

³ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб. : Наука, 2001. 417 с.; Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. — 1993. — № 4. — С. 43–63.

Главный результат применения натуралистической исследовательской программы к обществу — объяснение. Соответственно, «набор» методологических подходов, посредством которых исследовался человек, может быть представлен следующим образом: принцип тотальности; восхождение от абстрактного к конкретному; сведение индивидуального к социальному; тотальность человеческой индивидуальности; концепция всесторонне развитой гармонической личности. Принцип тотальности предполагает, что части целого оказываются идентичными только благодаря идентичности целого и его господству над частями. А метод восхождения от абстрактного к конкретному и сведение индивидуального к социальному — следствия этого принципа. Эмпирически конкретное воспринимается Гегелем и Марксом как абстрактное, ибо оно не идентично с целостностью личности, с её сущностными определениями.

Какие же выводы можно сделать, характеризуя переход от классической (натуралистской) парадигмы к неклассической (культурцентристской)? Как подчёркивают современные исследователи, это то, что в первую очередь характеризует методологические особенности современного социального познания, а именно:

1. Невозможность принимать теоретические конструкты за реальность и жить в соответствии с ними.
2. Плюрализм концепций как способ обеспечения разных типов или аспектов деятельности.

В частности, это предполагает применение принципа методологического плюрализма, если исследование объекта в силу его многозначности и многоуровневости требует применения мультиметодологии. Однако, как подчёркивают исследователи, принцип методологического плюрализма состоит вовсе не в том, чтобы признать взаимоисключающие выводы. По словам В. В. Леонтьева, «...плюралистический характер какого-либо подхода заключается не в одновременном применении существенно различных типов анализа, а в готовности переходить от одного типа интерпретации к другому. Объяснение такому методологическому эклектизму (и это принципиальный момент) в ограниченности любого типа объяснений или причинно-следственных связей...»¹

¹ Леонтьев В. В. Экономические эссе: теории, исследования, факты и политика. М. : Политиздат, 1990. С. 103.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что вопреки классической эпистемологии истина в настоящее время может быть истолкована не как воспроизводство (слепок) объекта в знании, а как характеристика способа деятельности с ним. Поскольку таких способов может быть много, возможен плюрализм истин, и, следовательно, исключается монополия на истину. Отсюда, как подчёркивают исследователи, исчезает традиционная, идущая от греков, противоположность между эпистемой (производством знания) и доксой (его применением), а многие типы социального знания могут быть произведены одновременно с решением задачи его применения.

Поэтому когда мы говорим о категоризации, типизации, проблематизации и концептуализации социально-философского понятия «социальный успех», то мы говорим о современном концепте успеха, т. е. об успехе в современном обществе. А оно существенно отличается от традиционного общества, включая в себя прежде всего ориентацию на инновации; преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни: поступательное (нециклическое) развитие; выделенную персональность, индустриальный характер, преимущественную ориентацию на инструментальные ценности; демократическую систему власти; наличие отложенного спроса, т. е. способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; активный деятельный психологический склад; целерациональность; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация), универсальность развития (к образцам которого начинает устремляться весь мир).¹

Соответственно этому, социально-философское понятие успеха является концептуальной экспликацией различных поведенческих реакций акторов в современном обществе; они многообразны и разноплановы. В целом они лежат в основе поведенческих сценариев, характеризующих с точки зрения современных критериев успешную достигательную деятельность.

Следующим важным аспектом в анализе методологических сценариев и категориально-парадигмальных схем анализа социально-философского понятия «социальный успех» является проблематизация социального знания об успехе. На наш взгляд, это прежде всего

¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века. Основные направления исследования. М. : РУСАКИ, 1999. 270 с.

проблематизация реальности успеха и проблематизация социальной жизни. Скажем так, это социальное измерение успеха.

Наряду с категоризацией, концептуализацией и проблематизацией знаний о социальном успехе важным является и когнитивный подход. Когнитология имеет дело со знанием. Нам важно понимание социального успеха как формы социального знания. А поскольку когнитологи делят системы представления знаний на три основных типа: системы правил, семантические сети и структуры отношений, то и знание о социальном успехе может быть представлено как знание системы правил достижения успеха, знание семантических смыслов успеха и знание структуры социальных отношений, в рамках которых реализуется социальный успех.¹

На указанной методологической основе схемы успеха, формулы успеха или так называемые модели успеха, которые на уровне повседневного дискурса были представлены общими образными представлениями, могут быть эксплицированы в виде когнитивных карт успеха. Когнитивную карту, согласно когнитологической методологии, можно понимать как схематичное, упрощённое описание картины мира индивида, точнее, её фрагмента, относящегося к данной проблемной ситуации, как методику достижения цели и, соответственно, схему достижения успеха. Таким образом, когнитивная карта успеха является аналоговым понятием, с помощью которого могут анализироваться пути оптимизации решений при достижении цели. Это ещё не само социально-философское понятие успеха, а его схематический аналог, который в некоторых случаях упрощает ситуацию анализа.

В числе методологических сценариев анализа социально-философского понятия «социальный успех» важное место занимает системный сценарий анализа. Социальный успех как система характеризуется специфическими параметрами, в число которых входят целостность, эмерджентность, интегральность. Целостность системы успеха — единство объективных и субъективных составляющих успеха, целостная взаимосвязь внутренних и внешних детерминант успеха, взаимосвязь мотивационных, процессуальных, структурных и функциональных характеристик успеха и его относительная неза-

¹ Когнитивные исследования за рубежом: методы искусственного интеллекта в моделировании политического мышления. М. : ИПТК ЛОГОС, 1990. 149 с.

висимость от среды и других аналогичных систем. Эмерджентность системы успеха — это несводимость (степень несводимости) свойств данной системы к свойствам элементов системы. Интегральность системы успеха есть характеристика такого системного качества, которое характеризует то, что результат успеха является следствием всех (необходимых и достаточных) факторов и ресурсов, что выражает интегральный характер целедостижения.

Таковы, по нашему мнению, основные методологические сценарии и категориально-парадигмальные схемы изучения феномена и понятия успеха, позволяющие проблематизировать и концептуализировать понятийный ряд успеха и сформулировать основные подходы к социально-философскому понятию «социальный успех».

Библиография

1. Когнитивные исследования за рубежом: методы искусственного интеллекта в моделировании политического мышления. М., 1990.
2. Леонтьев В. В. Экономические эссе: теории, исследования, факты и политика. М., 1990.
3. Стёпин В. С. От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентаций) // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990.
4. Валлерстайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века. Основные направления исследования. М., 1999.
5. Федотова В. Г. Эволюция классической концепции истины под влиянием социальной обусловленности науки // Проблема метода в социальном познании. М., 1988.
6. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.
7. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. — 1993. — № 4.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

*РАТИЕВ Виталий Витальевич,
кандидат философских наук,
заведующий кафедрой общегуманитарных
и естественно-научных дисциплин,
Московский институт экономики,
менеджмента и права (филиал
в г. Краснодаре)
dir@krasnodar.miemp.ru*

Социальные проблемы развития современного информационного общества / Social problems of modern information society

Аннотация

В статье охарактеризовано понятие «информационное общество», которое играет значительную роль в развитии и существовании нематериальной субстанции, условно именуемой «информацией», обладающей свойством взаимодействия как с духовным, так и с материальным миром человека. Суть информационного общества заключается в том, что человеческая цивилизация после аграрной и индустриальной стадии развития вступает в новую — информационную, где информация считается наиболее ценным ресурсом, а её доступность является наиболее важной в данной идеологии. В статье выявлены особенности информационных процессов, сопровождающих развитие информационного общества на современном этапе.

Ключевые слова

Информационное общество; информационные процессы; социально-философские модели; информационные модели; культура; информационного общества; информационная среда.

Annotation

The paper described the concept of information society, which plays a significant role in the development and existence of an immaterial substance, conventionally referred to as «information», having the property of interaction with both the spiritual and the material world of the man. The essence of the information society is that human civilization after the agricultural and industrial stage of development is entering a new — information era, where information is regarded as the most valuable resource and its availability is most important in this ideology. The article reveals features of information processes that accompany the development of information society at the present stage.

Keywords

The information society; information processes; socio-philosophical models; information models; the culture of the information society; information environment.

Потребление информации как духовного продукта представляется важным фактором созидания социальности людьми в процессе их жизнедеятельности. Отметим также, что сфера духовного потребления, несмотря на кардинальные изменения в связи с возникновением и развитием новых коммуникативных технологий, как все феномены культуры, обладает определённой инерцией и взаимосвязана с различными явлениями социокультурного пространства. Поэтому, прежде чем приступить к рассмотрению потребления собственно информации населением, отметим некоторые особенности социокультурного пространства современного российского общества, задающие особенности его моральной атмосферы, потребностей и потребления.

Несмотря на стабилизацию экономики, улучшение социальной работы государства, повышение престижа России на международной арене и многие другие позитивные сдвиги в трансформациях российского общества, оно, пользуясь терминологией Э. Дюркгейма, аномично и его моральная атмосфера нуждается в серьёзном совершенствовании¹. Э. Дюркгейм употреблял понятие «аномия» применительно к одному из состояний, которое испытывает человек перед самоубийством. По отношению к обществу понятие аномии ближе к дисфункциональности отдельных сфер общественной жизни, социальных институтов, процессов.

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1912.

Сегодня виртуальная реальность — это часть социального пространства во множестве повседневных областей жизни, особенно связанных с образованием, поиском и передачей информации. Виртуальное пространство связывает людей, их культурные и ценностные системы, глобализирует коммуникации, модифицирует осмысление культурного багажа человечества.

Медиапотребление трактуется зачастую как присущая основной массе населения социальная практика использования коммуникационных средств для получения и освоения символического содержания и осуществления социальных связей и взаимодействий.¹ Особое значение здесь имеет Интернет, его возможности для социального развития, преодоления границ между странами и народами. Интернет, превращаясь в охватывающую весь земной шар и стирающую границы среду общения людей, трансформирует характер труда и досуга современного человека, выводит на совершенно новый уровень духовности, системы образования, раздвигает культурные горизонты. Вовлекая в единое информационное и социальное пространство миллионы людей независимо от мест их проживания и физической удалённости друг от друга, Всемирная сеть становится одним из мощных двигателей современной глобализации².

Если же рассматривать массмедиа как саморазвивающуюся систему, то они (массмедиа) являются как бы «зеркалом» социальной системы вообще. Если бы это было не так, то общество в целом и массмедиа не смогли бы постоянно воспроизводиться. Н. Луман пишет, что функция массмедиа состоит в управлении самонаблюдением общественной системы, а «это означает и то, что импульс для дальнейшей коммуникации воспроизводится в самой системе и не должен объясняться антропологически, скажем, как жажда познания... Массмедийное предпочтение информации... отчётливо показывает, что функция массмедиа состоит в непрерывном порождении и переработке раздражений, — а не в умножении познания, социализации или прививания нормативного консерватизма».³ И далее: «Поэтому результат воздействия массмедиа, а может быть, и их функция, видимо, состоит в воспроизвод-

¹ Коломиец В. П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе / Социологические исследования. — 2010. — № 1. — С. 59.

² С. И. Некрасов, Макатов З. В. Трансформация духовности в процессе информационного развития общества // Научные ведомости. — 2010. — № 2 (73). Выпуск 11. — С. 187.

³ Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. М. : Праксис, 2005. С. 152.

стве непрозрачности на основе прозрачности, в воспроизводстве непрозрачности воздействия на основе прозрачности знания. Другими словами, это означает: в воспроизводстве будущего»¹.

Единого определения информационного общества пока не существует. Наиболее содержательными являются формулировки японских специалистов. Контуры информационного общества были обрисованы в отчётах, представленных японскому правительству рядом организаций: Агентством экономического планирования — «Японское информационное общество: темы и подходы», Институтом разработки использования компьютеров — «План информационного общества», Советом по структуре промышленности — «Контуры политики содействия информатизации японского общества». В упомянутых отчётах информационное общество определяется как такое, где процесс компьютеризации даёт людям доступ к надёжным источникам информации, избавляет их от рутинной работы, обеспечивает высокий уровень автоматизации производства. При этом меняется и само производство — продукт его становится более «информационно ёмким», что означает увеличение доли инноваций, дизайна и маркетинга в его стоимости. Здесь явно проступают и подчёркиваются связи информации и производства, служебная роль информатизации относительно постиндустриального производства. Фраза «...производство информационного продукта, а не продукта материального будет движущей силой образования и развития общества» показывает смещение ценностных ориентаций в сторону духовных, а материальный интерес вводит как бы на второй план.

Информационное общество — это социальное общество. Соответственно, те угрозы и опасности, которые несёт с собой всё общество в целом, во многом исходят из самой сущности информационного общества. Основное противоречие этого общества — это противоречие между универсальными измерениями глобального мира, которые стали возможными благодаря информационным технологиям, и локальными (национальными) социально-культурными мирами, которые терпят ущерб от интенсивного развития этих технологий.

Термин «информационное общество» акцентирует внимание на удивительных свойствах информации, значимых именно сегодня: она неисчерпаема, легко и быстро тиражируется и передаётся, обладает ресурсосберегающими качествами; экономична (для своего существования требует минимальных затрат), экологически чиста,

¹ Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. М. : Праксис, 2005. С. 160.

относительно независима от времени (в банках данных (БД) её можно хранить сколь угодно долго).

С одной стороны, расширение информационной среды во всепланетарном масштабе имеет позитивное значение. Средства массовой информации сближают народы. Стремление решить глобальные проблемы, которые затрагивают интересы народов на всех континентах, ведёт к формированию мирового гуманистического сознания. Но, с другой стороны, создание информационных процессов приводит к недооценке и третированию локальных процессов, которые практически исключались из глобального моделирования. Осознание сущности информационных процессов требует новых подходов, способных объяснить данные процессы в самых разных сферах общественной жизни.

Информация формирует материальную среду жизни человека, выступая в роли инновационных технологий, компьютерных программ, телекоммуникационных протоколов и т. п., а с другой стороны — служит основным средством межличностных взаимоотношений, постоянно возникая, видоизменяясь и трансформируясь в процессе перехода от одного человека к другому. Таким образом, информация одновременно определяет и социокультурную жизнь человека, и его материальное бытие, что, в частности, и определяет новизну грядущего общества. Таким образом, в процессе развития информационного общества необходимо готовить человека к быстрому восприятию и обработке больших объёмов информации, овладению современными средствами, методами и технологиями работы. Кроме того, новые условия работы порождают зависимость информированности одного человека от информации, приобретённой другими людьми. Поэтому уже недостаточно уметь самостоятельно овладевать и накапливать информацию, а надо научиться такой технологии работы с информацией, когда готовятся и принимаются решения на основе коллективного знания. Это говорит о том, что человек должен иметь определённый уровень культуры относительно использования информации.

Библиография

1. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1912.
2. Коломиец В. П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. — 2010. — № 1.
3. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. М., 2005.
4. С. И. Некрасов, Макатов З. В. Трансформация духовности в процессе информационного развития общества // Научные ведомости. — 2010. — № 2 (73). Выпуск 11.

*МАРЬЯНЧИК Виктория Анатольевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
Поморский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
marvik69@yandex.ru*

Стереотипы в медиаполитическом тексте / Stereotypes in the media-political text

Аннотация

В работе описаны стереотипы как когнитивные и прагматические компоненты медиаполитического текста. Уточняются понятия стереотипа, его связь с когнитивными структурами. Стереотипы анализируются как мотивировки социальной оценки.

Ключевые слова

Медиаполитический текст; оценочность текста; стереотипы.

Annotation

In the article the stereotypes are described as cognitive and pragmatical components of the media-political text. The conceptions of stereotypes and its relationship to cognitive structures are specified. Stereotypes are analyzed as motivation of social assessment evaluation.

Keywords

Media-political text; evaluation of the text; stereotypes.

В аксиологическом моделировании медиаполитического текста и дискурса важную роль играют стереотипы. Термин *стереотип* становится центральным в различных научных теориях, его трактуют А. К. Байбурин, У. Липпман, В. В. Красных, В. А. Маслова, Ю. Е. Прохоров, Ю. А. Сорокин и другие учёные. В словаре когнитивных терминов «стереотип» трактуется как «стандартное мнение о соци-

альных группах или об отдельных лицах как представителях этих групп», далее — «как форма обработки информации и состояния знаний»¹. При всём многообразии подходов учёные сходятся в том, что стереотипы — это основа культуры, они обеспечивают взаимопонимание людей.

Процессы образования, хранения и функционирования стереотипов называются стереотипизацией действительности. Основные причины появления стереотипов — стремление к упрощению, необходимость нормативной (культурной) категоризации и классификации явлений. Понимание мира человеком обеспечивается только переложением данных эмпирического опыта на язык ментальных образов, которые переводятся в вербальную систему.

Стереотипы выполняют ряд функций. Они схематизируют информацию, моделируют картину мира, позволяют экономить усилия, ориентируют людей в повторяющихся ситуациях, упрощают социальные контакты, хранят групповую идеологию и т. д. В медиаполитическом тексте стереотип реализует одну из своих основных функций — аксиологическую. Он включается в структуру оценочного высказывания как основание оценки. Стереотипность оценки проявляется в коллективном представлении о ценностях. Стереотипы могут восприниматься как ценности. Например, ценностно значимы этнокультурные стереотипы, см. доминанты русского человека: *соборность, гостеприимство, душевность, терпеливость, щедрость, доверчивость* и др. Аксиологический потенциал стереотипов обуславливает их использование в качестве инструмента идеологической манипуляции, сознательное навязывание массовому адресату. В то же время стереотипы представляют собой серьёзные ограничения для манипулирования адресата, так как представляют собой систему сложившихся устойчивых взглядов² и выполняют защитную функцию.

Научной проблемой является позиция стереотипа в системе когнитивных структур. По мнению ряда учёных, стереотип структури-

¹ Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996. С. 177.

² Головань О. В. Особенности интерпретации феномена «трагическое» в социокультурном контексте российского общества начала XXI века (опыт исследования СМИ, художественной и публицистической литературы, политического дискурса). Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2007. С. 56.

рован в виде фрейма. Фреймы весьма близки к схемам (например, *палка — рука — груша*). По Ю. Н. Караулову, схема — это последовательность образов внешних действий субъекта, элемент, «клеточка» схемы — двигательное представление, а элемент фрейма — это слова, понятия¹. Фрейм можно трактовать как образ ситуации. Ср.: «Фреймы организуют наше понимание мира в целом, это своего рода структура данных для представления стереотипной ситуации»²; «Сценарные фреймы <...> содержат слоты, характеризующие уникальную последовательность действий, сформированную для данного конкретного случая»³. Фрейм-сценарий моделирует только значимые, нарративно образующие события, их последовательности. По мнению В. В. Красных, фреймы могут быть представлены образами⁴, это так называемые статичные фреймы. Подчеркнём, что психологическая природа образа определяет условность, приблизительность термина *фрейм-образ*. Образ создаётся в данный момент путем инсайта (озарения) или «ага-переживания»⁵, он лишён структурности, чёткости, ему свойственны интуитивность, богатство, вариативность.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о многообразии стереотипов как когнитивных структур: они могут храниться в сознании в виде схем, сценариев, образов и пр. Стереотип есть прототип или архетип, «схваченный» той или иной когнитивной структурой, рассматриваемый сквозь призму социальной нормы, интерпретируемый носителем культуры как типичное, повторяющееся, как стандарт. Стереотип культурно, социально маркирован, он является инструментом социализации. Большим социальным «зарядом» обладают стереотипы, сформированные на базе архетипов, которые членят «единое человечество по поколенческим, культурным, расовым,

¹ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007. С. 192–193.

² Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М. : Флинта, 2008. С. 132.

³ Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991. С. 187.

⁴ Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. С.167.

⁵ Гештальт-психология и социально-когнитивная теория личности. Левин К., Бандура А / ред. А. Боричев, Н. Гришина. СПб, 2007. С. 77.

половым, ареальным признакам»: отцы — дети, старое — новое, мужчина — женщина, Запад — Россия — Восток и т. д.¹ Архетипы проявляются в целом ряде стереотипных образов, ситуаций, выражений. Например, архетип конформизма воплощён лингвальными стереотипами *стакан воды не подать, пройти мимо, закрыть глаза, не достучаться, глух к чужой беде* и т. д. Именно родство архетипов и стереотипов привело к идее реконструкции культур через тексты (точнее, через стереотипы, отражённые в тексте), которая родилась в рамках этнографии и этнолингвистики и там же была подвергнута критике. Результатом исследовательской работы может стать реконструкция текстов, но не реконструкция внеположенной тексту реальности².

Различные определения стереотипов аспектируют те или иные признаки: многообразие форм, двусторонняя направленность в качестве информационного фильтра, речевая сущность, субъективность, эмотивность, устойчивость, автоматичность и др. К центральным признакам стереотипа относятся его ментально-коммуникативная природа, социальный характер и тенденция к вербализации (стереотип как устойчивое выражение, состоящее из нескольких слов³, язык как способ «оживления» стереотипа⁴). Сфера порождения, создания, формирования, укрепления, изменения, разрушения социальных стереотипов — тексты, дискурсы. Любой текст (центральный компонент дискурса) в какой-то мере стереотипен, так как в сознании человека существует типичное представление о тексте в определённой ситуации, о способах знаковой репрезентации действительности. На этом строятся модели производства и понимания текста/дискурса. Содержание текста интерпретируется сквозь призму иных стереотипов — типичных представлений о социальной действительности. Так, экспериментальные исследования доказали, что тексты новостей воспринимаются и запоминаются избирательно в зависимости от когнитивных фреймов социальной группы.

¹ Ильин В. В. Аксиология. М. : Изд-во МГУ, 2005. С. 29.

² Байбурун А. К. Статус реконструкции в фольклорно-этнографических исследованиях // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Коллективная монография / Отв. ред. О. М. Рындина. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. С. 17–19.

³ Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2007. С. 109–110.

⁴ Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М. : Флинта, 2008. С. 141.

В то же время тексты не только опираются на ментальные модели, но и обновляют их. Наиболее активно воздействует на сознание современного носителя культуры массмедийная сфера. Когнитивные структуры сознания обновляются постепенно: в результате многократного повторения в различных текстах новой схемы, нового фрейма.

Тесная связь стереотипов сознания и вербальной деятельности человека определяет деление стереотипов на ментальные и лингво-ментальные (лингвальные). Ядро лингвальных стереотипов составляют устойчивые сочетания (клише и штампы). Наиболее плодотворная почва для возникновения и функционирования стереотипов такого рода — медийный дискурс, поскольку стандарт в сочетании с экспрессией является конструктивным принципом публицистического стиля. Лингвальные медиастереотипы сочетают положительные и отрицательные стороны. Они играют положительную роль в плане быстроты создания, обработки и адекватного восприятия информации массовым адресатом. Однако в аспекте культуры речи говорят о снижении эстетической значимости текста, о засорении языка. Более того, высказывается мнение о том, что «гипертрофированное использование СМИ клишированных, шаблонных и трафаретных языковых средств и, как следствие, отягощённость структур сознания индивида стереотипами как формой хранения и передачи знания на определённых этапах развития социума может привести к деградации и последующему разрушению»¹. В публицистике доминирует оценочная функция речевых стереотипов и реализуется манипулятивный потенциал штампов. Идеологический стереотип всегда имеет оценочное ядро и даёт возможность для идеологического варьирования, см.: *справедливые выборы, честный политик, политический переворот* и т. п. В условиях современной коммуникации идеологические стереотипы транслируются не только в вербальной форме, но и в форме поликодовых образований.

В соответствии со сферой деятельности стереотипы организуют в СМИ тематические группы. В сфере политической коммуникации выделяют политические стереотипы — стандартные представления о политическом феномене, которые дифференцируются на национальные, партийные, социумные, групповые, личностные стереотипы (Чудинов 2008: 46). Медиapolитические тексты апеллируют

¹ Аспекты исследования картины мира / под общ. ред. проф. В. А. Пичальниковой и проф. А. А. Стриженко. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2003. С. 102.

к обыденным стереотипам, которые соотносятся с актуальной повседневностью и формируют элементарную систему представлений об окружающем мире. Идеологическое манипулирование предполагает опору на стереотипы-заблуждения, на стремление «к весьма упрощённым и преувеличенным оценкам и суждениям со стороны индивидов»¹. Рассмотрим актуализацию политических стереотипов в тексте листовки-приглашения:

Приглашаем Вас

21 февраля в 12 часов к памятнику В. И. Ленина на митинг в защиту прав трудящихся, против роста цен и тарифов, против социально-экономической политики правительства.

НЕТ! — росту цен на товары и услуги.

НЕТ! — росту тарифов ЖКХ.

НЕТ! — обнищанию населения.

НЕТ! — произволу чиновников.

НЕТ! — тотальной коррупции.

НЕТ! — антинародной политике правительства.

Архангельский горком КПРФ.

Текст начинается с речевого стереотипа — клише приглашения, которое актуализирует стереотипную ситуацию и имеет этикетный характер. Этикетные ассоциации — расположение адресанта, уважение к адресату, равенство адресанта и адресата — вызывают положительные ассоциации. Моделируется ситуация выбора для адресата, который может принять или отклонить приглашение. Ключевое слово *митинг* репрезентирует стереотип-образ: участники (группа людей), место (улица, открытое пространство перед каким-либо объектом — зданием, памятником, трибуной), действие (произношение речей, часто обращения к отсутствующему адресату), эмоции (открыто выражаемые негативные эмоции — возмущение, протест, гнев), вещественные атрибуты (плакаты, лозунги, микрофон, трибуна). Слово *митинг* актуализирует также стереотип-ситуацию: участники, последовательность действий (прийти — стоять/слушать — выступать/комментировать — требовать — уйти). Цель действий — социальный протест. Эта цепочка действий расширяется ретроспективно (получить разрешение на проведение митинга, распространить/получить информацию о митинге) и про-

¹ Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М. : Прогресс, 1981. С. 119.

спективно (поместить информацию о митинге в СМИ). Стереотип митинг получает вербальную реализацию в текстах-комментариях: *На центральной площади Архангельска 21 февраля прошёл митинг, организатором которого выступила КПРФ <...>; По утверждению организаторов, они недовольны тем, что правительство Архангельской области подняло тарифы <...>; Митинг был согласован властями города; На митинге одновременно присутствовали 450 человек; Ораторы от этого движения потребовали отставки местных властей и федерального правительства (В Архангельске прошёл митинг // Актуальные комментарии. — URL: actualcomment.ru. 21.02.2010); Митинг против повышения тарифов на услуги ЖКХ и роста цен прошёл в воскресенье в Архангельске; Он был организован архангельским отделением КПРФ; На митинге присутствовали 450 человек; Возмущение жителей города высокими тарифами на коммунальные услуги разделили и пришедшие посмотреть на митинг депутаты областного собрания от «Единой России»; Выступающий московский гость в своей полутора минутной речи потребовал отставки Владимира Путина (Архангельск: Возмущение тарифами, недоумение призывами, портреты Сталина // Весь политический Рунет. — URL: Politonline / politonline.ru. 21.02.2010); Полторы тысячи человек вышли на антиправительственный митинг; Заявку на проведение митинга подало Архангельское отделение КПРФ; Звучат довольно жёсткие высказывания в адрес как областной, так и федеральной власти; Люди требуют <...> и призывают к отставке губернатора области, а также федерального правительства во главе с Владимиром Путиным (Полторы тысячи митингующих в Архангельске потребовали отставки правительства во главе с Путиным и губернатора // КПРФ. — URL: kprf.ru. 21.02.2010). Приведённые примеры доказывают, что в каждом тексте-комментарии используются ключевые слова, репрезентирующие стереотип: место, организаторы (организация), участники, протест, возмущение, призывы; статусный политический адресат. Стереотип митинг включает представления о социальной норме, отклонение от которой вербализируется. Например, такие выражения, как несанкционированный митинг, стихийный митинг, митинг закончился столкновениями и т. п., отражают нарушение социальной нормы.*

Составляющие стереотипа-образа и стереотипа-ситуации актуализируются в тексте. Выражение *к памятнику В. И. Ленина* подтверждает стереотипное представление о месте проведения. В тексте

представлена оппозиция участников ситуации: *трудящиеся, население — чиновники, правительство*. Цель действий обозначена повтором предлога *против* и идеологическим клише *защита прав*. Эмотивная составляющая стереотипа формируется с помощью интенсивности (*тотальная коррупция*) и оценочных средств. В тексте используются слова рациональной оценки (*коррупция, антинародная*), эмоционально-оценочная лексика (*обнищание, произвол*), номинации с устойчивыми оценочными ассоциациями (*чиновники, тарифы ЖКХ, цены*). Лексико-грамматическая анафора *НЕТ!* подтверждает эмотивную составляющую и цель стереотипных действий.

Кроме образа/ситуации *митинг*, в тексте реализуются другие идеологические стереотипы, которые можно объединить в тематико-ассоциативные группы: (1) *Ленин — КПРФ*; (2) *КПРФ — защита прав трудящихся*; (3) *правительство, чиновники — социально-экономическая политика, антинародная политика*; (4) *чиновники — коррупция*; (5) *социально-экономическая политика — цены на товары и услуги, тарифы ЖКХ; обнищание*. Первый элемент каждой группы выступает как субъект, остальные — как действие субъекта, объект или результат его действий. Очевидно пересечение групп, которое даёт возможность для идеологического манипулирования. В анализируемом тексте адресант объединяет (1) и (2) группы мелиоративной оценкой, а (3), (4) и (5) — пейоративной. Моделируется концептуальная политическая оппозиция «свой — чужой».

Таким образом, медиаполитические стереотипы как устойчивые, упрощённые представления носителя культуры о политических объектах, явлениях, ситуациях, событиях, выявляющие принадлежность личности к определённом социуму, эксплицируются в медиатексте с целью воздействия на сознание адресата и когнитивной реконструкции.

Библиография

1. Аспекты исследования картины мира / под общ. ред. проф. В. А. Пичальниковой и проф. А. А. Стриженко. Барнаул, 2003.
2. Байбурин А. К. Статус реконструкции в фольклорно-этнографических исследованиях // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Коллективная монография / Отв. ред. О. М. Рындина. Томск, 2004.
3. Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.

-
4. Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М., 1981.
 5. Гештальт-психология и социально-когнитивная теория личности. Левин К., Бандура А. / ред. А. Боричев, Н. Гришина. СПб., 2007.
 6. Головань О. В. Особенности интерпретации феномена «трагическое» в социокультурном контексте российского общества начала XXI века (опыт исследования СМИ, художественной и публицистической литературы, политического дискурса). Барнаул, 2007.
 7. Ильин В. В. Аксиология. М., 2005.
 8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007.
 9. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996.
 10. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
 11. Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2007.
 12. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М., 2008.
 13. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М., 2008.

*ПОНАРИНА Наталья Николаевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социальной работы,
Армавирский институт социального
образования
natasha021072@bk.ru*

Влияние глобализации на национальную и культурную идентичность (на основе анализа англоязычной литературы) / Globalization impact on national and cultural identity (English literature analysis)

Аннотация

В статье анализируется роль глобализации в условиях влияния на неё процессов мира по отношению к национальной и культурной идентичности, а также идентичность в общих чертах человеческого общества и культурного воздействия глобализации на формальном уровне культурного опыта.

Ключевые слова

Продукт глобализации; гомогенизация; культурное отличие; стремление к глобальности; разрушение идентичностей; модерн; глобальный культурный поток.

Annotation

The article analyzes the role of globalization in conditions of peace processes influencing to it, in relation to national and cultural identity as well as identity in general terms of human society and cultural impact of globalization on the formal level of cultural experience.

Keywords

The product of globalization; homogenization; cultural difference; the pursuit of global; destruction of identities; modernity; global cultural flow.

Как правило, глобализация культуры связывалась с разрушением культурных идентичностей, которые стали жертвой ускоряющегося распространения гомогенизированной потребительской культуры Запада. Этот взгляд разделяется как некоторыми исследователями, так и антиглобалистами, которые видят в глобализации расширение западного культурного империализма, утверждающими, что глобализированный капитализм способен навязать свою культурную продукцию всему миру¹, и потому объявляют «джихад против макдональдизации»². Напротив, Д. Томлинсон³ утверждает, что культурная идентичность, если её правильно интерпретировать, является в гораздо большей степени *продуктом* глобализации, чем её жертвой.

Какова аргументация, лежащая в основе утверждения, что глобализация разрушает идентичности? Когда-то, до эры глобализации, существовали локальные, автономные, вполне определённые и прочные связи между географическим местом и культурным опытом. Эти связи составляли «культурную идентичность» индивида и сообщества. Эта идентичность представляла собой нечто, что у людей просто «существовало» в их жизни — наследие, традиционное долгое пребывание в данном месте, ощущение неразрывной связи с прошлым. Идентичность, как и язык, была не просто выражением культурной принадлежности, она была своего рода коллективным достоянием локальных сообществ. Но оказалось, что идентичность хрупка, она нуждается в защите. В многообразии и дискретности мира глобализация затопила различные культуры мира, разрушая стабильные локальные сообщества, приводя к перемещению народов, принося движимую рынком гомогенизацию культурного опыта, стирая тем самым различия между культурами, которые составляли наши идентичности. Хотя считается, что глобализация предполагает *общий* процесс утраты культурного отличия, некоторые культуры и традиции перенесли этот процесс лучше, другие хуже.

¹ Lull J. Media, Communication, Culture: A Global Approach. Cambridge, 2000; Shepard, B. and Hayduk, R. (eds) From ACT UP to the WTO: Urban Protest and Community Building in the Era of Globalization. London, 2002; Tomlinson, J. Cultural Imperialism: A Critical Introduction. London, 1991.

² Barber B. Jihad versus McWorld: How Globalism and Tribalism Are Reshaping the World. New York: Tarmans Bokk, 1995.

³ Tomlinson, J. Proximity Politics // Information, Communication and Society, 2000, № 3 (3): 402–414.

Стало быть, в этом заключается история о роли глобализации и разрушении культурной идентичности и о её угрозе тому, что мы называем «национальной идентичностью». Но можно рассмотреть, по мнению Томлинсона¹, и другую, достаточно противоречащую вышесказанному историю: глобализация не только не уничтожает идентичность, но является, пожалуй, наиболее значимым фактором в *создании и распространении* культурной идентичности. В этой истории предполагается трактовка идеи «идентичности», отличающаяся от несколько «приземлённого» понимания индивидуального или коллективного обладания. В ней предполагается также более сложное понимание процесса глобализации, понимание, допускающее некоторую непредсказуемость её последствий.

Начнём с идентичности — понятия, лежащего в основе нашего нынешнего представления о культуре. В литературе, посвящённой анализу идентичности, нетрудно найти несогласие авторов с мнением, что идентичность является жертвой глобализации. Например, М. Кастельс посвятил целый том своего знаменитого анализа «Информационной эпохи» постулату, что «наш мир и наша жизнь формируются противоборствующими процессами развития глобализации и идентичности». Согласно Кастельсу, основная особенность *неприятия* власти глобализации заключается в «широкой и мощной демонстрации коллективной идентичности... проявляющейся в культурном своеобразии и контроле народа над своей жизнью и окружающей средой»². Здесь идентичность видится не как нежный цветок под пятой глобализации, а как *сила* локальной культуры, которая оказывает сопротивление, пусть даже неорганизованное и порой политически реакционное, центробежной силе капиталистической глобализации.

Этот взгляд на «силу идентичности» может разделять любой из тех, кто наблюдает за стремительным ростом социальных движений в защиту позиций идентичности (движения за права женщин, религиозные, этнические, национальные движения). Влияние глобализации становится вопросом взаимодействия институционально-технологического фактора, как стимула к глобальности, с «локализирующими» силами, выступающими в качестве противовеса. Стремление к «глобальности» сочетает в себе логику капиталисти-

¹ Tomlinson, J. *Globalization and Culture*. Cambridge, 1999.

² Castells, M. *The Power of Identity*, vol. II of *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford, 1997. P. 2.

ческой экспансии с быстрым развитием средств массовой коммуникации. Но этому стремлению противостоят различные процессы и практики, отражающие различные степени «локальности», такие как движения в защиту культурной идентичности, локальные потребительские предпочтения.

Эта более сложная формула ясно показывает, что культурная идентичность едва ли станет лёгкой добычей глобализации. Идентичность — это не просто некая хрупкая общественно-духовная общность, а важное измерение институционализированной социальной жизни в обществе модерн. Особенно в доминантной форме национальной идентичности это измерение является продуктом целенаправленного конструирования и поддержания культуры через регулирующие и социализирующие институты государства — закон, систему образования и средства массовой информации. Таким образом, детерриториализирующая сила глобализации встречает сопротивление в форме того, что М. Биллиг¹ назвал «банальным национализмом» — постоянное, рутинизированное утверждение своей национальной принадлежности, особенно в средствах массовой информации, — который спонсируется развитыми национальными государствами.

Конечно, нельзя отрицать того, что глобализация в разной степени ставит под угрозу способность национальных государств поддерживать эксклюзивность своей идентичности, а также способность независимо управлять своей экономикой на глобальном рынке. Например, сложности и напряжённость в отношениях, обусловленные многоэтничным составом обществ и вызванные глобальными народными движениями, — постоянная черта всех современных национальных государств — создают проблемы в придании нациям XXI века последовательной и понятной идентичности.

Томлинсон утверждает, что глобализация фактически размножает идентичности, а не уничтожает их. В этом отношении он несколько отступает от позиции Кастельса, определяя идентичность как своего рода автономный культурный процесс, идущий от масс и направленный против глобализации. Кастельс не видит довольно убедительной внутренней логической связи между процессом глобализации и институционализированным конструированием идентичностей. Проще говоря, глобализация является глобализацией модерн, а модерн — предвестником идентичности.

¹ Billig, M. Banal Nationalism. London, 1995.

Принято считать, что формирование идентичности является общей чертой человеческого опыта. Кастельс, похоже, принимает эту точку зрения, когда пишет: «Идентичность — это источник смысла и опыта для людей»¹. Но хотя верно то, что конструирование смысла через культурные практики — это человеческая универсалия, из этого не следует, что она обязательно предполагает конструирование идентичности. Эта этноцентрическая позиция недавно подвергалась критике как со стороны антропологов, так и со стороны культурологов. Например, Д. Морли, комментируя проведённое Р. Раузом исследование миграции мексиканских рабочих в США, отмечает, что эти люди «уезжали из мира, в котором... идентичность не была востребована, в мир, где их вынуждали принять определённую форму индивидуальности и идентичности как члена коллектива или “общества”... что совершенно не соответствовало их пониманию своего положения и потребностей»².

Понимание того, что мы называем «идентичностью», может различаться, но один определённый, современный способ социальной организации — и даже регулирования — культурного опыта даёт нам повод усомниться в справедливости утверждения, что глобализация неизбежно разрушает идентичность.

К глобализации необходимо подходить как к более сложному процессу, чем это принято считать, — разумеется, в полемике с представителями антиглобалистского движения, для которых глобализация представляется как глобализация капитализма, в культурном аспекте достигаемая с помощью контролируемых Западом средств массовой информации. Эта более сложная многомерная концепция, согласно которой глобализация рассматривается как процесс, протекающий одновременно и взаимозависимо в экономической, коммуникационной, политической и культурной сферах человеческой жизни, в академических кругах воспринимается как относительно бесспорная. Однако некоторые считают, что глобализация предполагает не просто навязанное распространение западного образа жизни, но также распространение всего набора институциональных особенностей культуры модерн.

¹ Castells, M. *The Power of Identity*, vol. II of *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford, 1997. P. 6.

² Morley, D. *Home Territories: Media, Mobility and Identity*. London, 2000. P. 43.

Модерн — сложное и оспариваемое понятие, но в данном контексте он означает прежде всего *отделение* социальных и культурных практик от локальной специфики и их *институционализацию и регулирование* во времени и пространстве¹. Примерами такой институционализации могут служить организация и управление социальной территорией (национальное государство, урбанизм) или управление практиками производства и потребления (индустриализация, капиталистическая экономика).

Но модерн институционализирует и регулирует также культурные практики, включая те, которые в нашем представлении обеспечивают привязанность и принадлежность к данной территории или сообществу. Такое представление о принадлежности — это то, что мы называем «культурной идентичностью» — индивидуальность и специфические, обычно политически обусловленные различия: гендерные, классовые, религиозные, расовые, этнические, национальные. Конечно, некоторые из этих различий существовали до эпохи модерн, некоторые, как национальность, — специфически современные понятия. Однако сила модерн заключается не только в сущности этих категорий принадлежности, но и в самом факте их институционализации и регулирования. В современных обществах мы живём внутри структур, определяющих опыт существования в чётко установленных границах. Мы живём жизнью своего гендера, своей национальности и т. д., которые являются нашей институционализированной общностью. То, что могло быть неопределённым, случайным и невыраженным ощущением принадлежности, становится структурно интегрированным в совокупность идентичностей, каждая из которых способна повлиять на наше материальное и психологическое благополучие. Именно это имеет в виду Томлинсон, говоря, что модерн является предвестником идентичности.

Поскольку глобализация способствует распространению институциональных принципов модерн на все культуры, она создаёт «идентичность» там, где её не существовало. В этом заключается наиболее значимое культурное воздействие глобализации, воздействие, ощущаемое на формальном уровне культурного опыта. В более узком смысле это воздействие можно рассматривать как «культурный империализм», поскольку современная институционализация культурной общности была впервые произведена на Западе. Но что

¹ Giddens, A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge, 1990.

более интересно, этот процесс можно рассматривать как часть культурного комплекса, то есть глобальный модерн.

Этот «комплекс» можно исследовать исходя из «детерриториализирующего» характера процесса глобализации — его способности уменьшать значимость социогеографической локальности, сводя её к обычному потоку культурного опыта. А. Аппадурай рассматривает глобализацию как детерриториализацию — утрату привязки социальных процессов к физическому пространству¹, в которой формируется «глобальный культурный поток», распадающийся на пять культурно-символических пространств-потоков (*landscapes*): этнопространство (*ethnoscape*) образуется потоком туристов, иммигрантов, беженцев, гастарбайтеров; технопостранство (*technoscape*) — потоком технологий; финанспостранство (*finanscape*) — потоком капиталов; медиапространство (*mediascape*) — потоком образов; идеопостранство (*ideoscape*) — потоком идеологов. Эти текучие, нестабильные пространства являются «строительными блоками» тех «воображаемых миров», в которых люди взаимодействуют, и взаимодействие это носит характер символических обменов².

Суть данной идеи не в том, что глобализация разрушает локальности, приводя повсюду к культурному единообразию, а в том, что культурный опыт различными способами «уводится» из его традиционной «стоянки» в определённых локальностях. Можно понять это, представив, что места, где мы живём, всё сильнее подвергаются связующему воздействию глобализации.

Более яркие примеры проникновения глобализации в локальные культуры можно наблюдать в области коммуникационных технологий — телевидении, мобильной телефонии, Интернете — или в трансформации локальных привычек в еде в «интернациональные»³. В этих примерах мы видим изменения в нашем привычном образе культурного существования, затрагивающие саму суть нашего локального жизненного мира. Телевидение приносит нам новости о конфликтах в отдалённых уголках мира, «экзотические» привычки смешиваются с нашими собственными, мы начинаем сознавать, что наше здоровье и безопасность могут быть поставлены под угрозу глобальными

¹ Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture. Ed. by M. Featherstone. London, 1990. P. 301.

² Ibid. P. 296.

³ См.: Tomlinson, J. Globalization and Culture. Cambridge, 1999.

событиями. Но к этому можно добавить ещё один пример детерриториализации — проникновение в культурную жизнь институционально-современной формы идентичности.

Начиная с XVIII века национальная идентичность была наиболее успешным для того времени инструментом объединения нации. Тот факт, что сегодня практически всё шестимиллиардное население планеты заявляет о своей национальной идентичности, сам по себе свидетельствует о силе глобализации в эпоху модерн. Из этого следует, что нациям и национальной идентичности неминуемый коллапс не угрожает. Но динамика и сложность глобализации таковы, что эта форма идентичности не может быть устойчивой бесконечно. Сама динамика утверждения национальной идентичности как мощной культурно-политической силы в эпоху модерн, возможно, раскрывает сейчас некоторые из загадок нашей привязанности к «национальному дому». Зерно истины в утверждении, что глобализация угрожает национальной идентичности, в том, что количественный рост позиций идентичности может подорвать доминирование национальной идентичности.

Большинство примеров такого рода угрозы указывает на разрушительный характер этого процесса: насилие и хаос, возникающие при столкновении этнических и религиозных групп с национальным государством, в частности в бывшей Югославии и бывшем Советском Союзе. Крушение коммунистической системы часто интерпретируется с политическо-экономических позиций как результат поступенчатого изменения в глобальном наступлении капитализма. Возрастающая мощь и интеграция глобального капиталистического рынка сделали невозможным выживание экономик Восточного блока вне мировой экономической системы.

Однако вспыхнувшие затем конфликты в Хорватии, Боснии, Косово и на территории бывшего СССР нельзя, по здравому рассуждению, рассматривать как следствие процесса, имеющего исключительно политико-экономический характер. В этом контексте глобализация означала для этих стран не возможность вхождения в глобальную рыночную систему, а повод для развязывания конфликтов на этнической/национальной почве, которые прежде искусственно сдерживались коммунистическим режимом. Быстрая дезинтеграция югославской федерации показала глубокие различия в культурных и религиозных идентичностях в этой стране, где проживали сербы, хорваты, боснийцы, этнические албанцы, христиане и

мусульмане, и это быстро привело к «новым войнам» эры глобализации. В чём-то схожая ситуация была и на территории бывшего СССР. Проанализировав эти войны, М. Кальдор утверждает, что они ведутся, следуя порочной, партикуляристской «политике утверждения идентичности», при проведении которой «движения объединяются на основе этнической, расовой и религиозной идентичности с целью захвата государственной власти»¹.

Есть, конечно, проекты культурной «ретерриториализации» — заявление прав на территорию и требования её возврата, — которые необязательно претендуют на государственную власть. Это, например, движения групп коренного населения за права на землю в Австралии, США и Канаде в последние годы. Хотя в этих примерах притязания на идентичность неразрывно связаны с требованиями политического и экономического равноправия, есть свидетельства того, что речь идёт о предъявлении права на этническую «родину», понятие, сосуществующее и совместимое с понятием национальной идентичности.

Библиография

1. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // *Global Culture*. Ed. by M. Featherstone. London, 1990.
2. Barber B. *Jihad versus McWorld: How Globalism and Tribalism Are Reshaping the World*. New York: Tarmans Bokk, 1995.
3. Billig, M. *Banal Nationalism*. London, 1995.
4. Castells, M. *The Power of Identity*, vol. II of *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford, 1997.
5. Giddens, A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge, 1990.
6. Kaldor, M. *New and Old Wars*. Cambridge, 1999.
7. Lull J. *Media, Communication, Culture: A Global Approach*. Cambridge, 2000; Shepard, B. and Hayduk, R. (eds.) *From ACT UP to the WTO: Urban Protest and Community Building in the Era of Globalization*. London, 2002; Tomlinson, J. *Cultural Imperialism: A Critical Introduction*. London, 1991.
8. Morley, D. *Home Territories: Media, Mobility and Identity*. London, 2000.
9. Tomlinson, J. *Globalization and Culture*. Cambridge, 1999.
10. Tomlinson, J. *Proximity Politics // Information, Communication and Society*. — 2000. — № 3 (3).

¹ Kaldor, M. *New and Old Wars*. Cambridge, 1999. P. 76.

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

*ФЕДОТОВА Надежда Николаевна,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
факультета международной журналистики,
МГИМО (У) МИД России
nfedotova@rambler.ru*

Процессуальный характер идентичности: факторы изменения¹ / Processual understanding of identity: factors of changing

Аннотация

Статья посвящена изучению концепций идентичности и факторов её изменения, исследованию кризиса идентичности и путей выхода из него. Кризис идентичности рассматривается как кризис самосознания и смыслополагания, опасный для человека и общества. Анализируются пути его преодоления, зависимые от причин (факторов) изменения идентичности, вызвавших кризис. Процессуальное понимание идентичности, связанное с возможностью выхода из кризиса, обретения новой идентичности в ходе меняющейся ситуации или социальных изменений, рассматривается как один из путей выхода из кризиса.

Ключевые слова

Идентичность; кризис идентичности; плюрализм идентичности; процессуальность идентичности.

Annotation

Concepts of identity and factors that bring about its changes, crisis of identity and ways to overcome it are analyzed. Identity crisis is seen

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-06-00450 «Процессуальный характер идентичности: факторы изменения».

as a crisis of self-consciousness that is dangerous both for human being and society. Ways to overcome the crisis are explored; the factors that have induced the crisis depend on the reasons (factors) that change identity. Processual understanding of identity associated with the possibility of overcoming the crisis as well as gaining new identity in a changing situation or in the context of social transformation is regarded as ways out of the crisis.

Keywords

Identity; identity crisis; pluralism of identity; processual character of identity.

Проблема изменения идентичности является сегодня одной из главных проблем человека, социальных групп и обществ. Отечественная литература по проблеме идентичности обширна. Некоторые авторы получили известность, занимаясь этой проблемой. Среди них Л. М. Дробижева, В. С. Малахов, А. В. Костина, Е. О. Труфанова, Е. Н. Шапинская. Необозрима западная литература, посвящённая идентичности. Достаточно назвать такие имена, как З. Бауман, Э. Гидденс, С. Хантингтон, Э. Эрикссон.

Проблема идентичности приобрела чрезвычайное значение в качестве кризиса смыслополагания и самосознания и вызвала полемику среди учёных всего мира. С. Хантингтон, характеризуя кризис идентичности, писал об Америке: «Кто мы?», Т. Фридман поставил тот же вопрос иначе: «Где мы?»

Хантингтон показал, что американцы теряют идентичность в связи с прибытием большого числа иммигрантов из Латинской Америки, чья идентичность не тождественна американской¹. Не обретая идентичности по гражданству, они настолько следуют своей коренной латиноамериканской идентичности, что (приводит автор реальный пример) мексиканец, имеющий гражданство США, сжёг американский флаг на стадионе в Лос-Анджелесе из-за проигрыша мексиканцев команде США.

Фридман описывает ряд факторов, сделавших мир «плоским», т. е. сходным для обитателей разных стран и континентов, вынужденных

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. : АСТ, 2004.

менять свою идентичность в сторону сближения с другими людьми по таким параметрам, как: открытость; распространение средств коммуникации; рост числа персональных компьютеров; появление новых задач, решаемых с помощью компьютера; лёгкость коммуникаций через Интернет; идеологическая альтернатива капитализму у террористов; возможность выполнять работу предприятий одной страны в другой (аутсорсинг) или дома (инсорсинг). Отсюда и новый параметр идентичности: «Где мы?»¹

Перемены в мире так велики, что кризис идентичности стал повсеместным. Он есть в США, России, Китае, Японии и других странах.

Как показывает американская исследовательница К. Церуло, ранняя социологическая литература подходила к изучению коллективной идентичности с *натуралистически-эссенциалистской точки зрения*, т. е. предполагала естественную данность её сущности. Согласно натуралистически-эссенциалистскому подходу схожесть характеристик идентичности вытекает из общих и объективно присущих психологических черт и установок, структурных характеристик общества и прочих «естественных» параметров, сохраняющих свою неизменность. Современные трактовки коллективной идентичности, по мнению этого автора, поставили под вопрос натуралистически-эссенциалистскую интерпретацию коллективных свойств.

Антиэссенциалистские трактовки коллективной идентичности основаны на *концепции социального конструирования идентичности*, нередко дополняемой категоризациями коллективного и постмодернистскими трактовками общего группового опыта². Конструктивистская трактовка идентичности видит всё коллективное как социальный артефакт, как целостность, возникающую, реконструируемую и мобилизуемую в соответствии с культурными кодами и центрами силы. Обращение к коллективному сознанию и подсознанию характерно для анализа этнических и групповых идентичностей в сообществах, а постмодернистские подходы интересуются также архаическими и традиционными началами, отвергнутыми модернизацией и идеологией модерна.

¹ Фридман Т. Плоский мир: Краткая история XXI века. М. : АСТ. 2006. С. 64–223.

² Cerulo K. A. Identity Construction: New Issues, New Directions // Annual Review of Sociology., 1997. Vol. 23

В чем отличие концепций плюрализма идентичности и её процессуальности?

Известный учёный А. Сен считает, что монизму религиозного или цивилизационного определения идентичности, вытекающего из заботы о сохранении солидаристски ориентированной идентичности, противостоит её плюрализация под воздействием факторов, «ответственных» за изменение идентичности. Поэтому идентичность трактуется им ролевым образом как одновременная принадлежность к ряду групп¹. В числе разных трактовок идентичности ролевая признаётся многими в качестве паллиативной, но вполне уместной. Человек, по мнению Сена, может определить свою идентичность без каких бы то ни было сложностей как описание своего места в разных группах. Эта ролевая теории нечувствительна к тому, что идентичность характеризует «смысл себя», а не свои роли и социальные связи.

Многие исследователи сегодня говорят о плюрализации идентичностей, не сводя её ни к ролям, ни к стилям жизни. Чаще всего речь идёт о структурном разнообразии типов идентичности, которые интегрируются до определённой целостности. Некоторые находят в структуре идентичности разные элементы и уровни, допускающие интеграцию и самоформирование как личности, так и социальных групп.

Идентичность, на наш взгляд, — это глубинная духовная характеристика, выработанная человеком, группой или обществом в борьбе с распадом и дезинтегрированностью. Такому пониманию более соответствует процессуальная теория идентичности, в которой её плюрализм состоит не в одновременно имеющейся самоидентичности разнообразных принадлежностей ролевого типа, а в эволюции, в процессуальном характере обретения меняющейся идентичности, сохраняющей разный, но всегда присутствующий «смысл себя». Выдвигая эту гипотезу, автор мало на кого может опереться. Пожалуй, только З. Бауман в некоторой мере приближается к такому пониманию. Он пишет: «Вместо разговора об идентичностях, унаследованных или обретенных, более уместным и соответствующим реальностям глобализирующегося мира выглядело бы исследование *идентификации*, никогда не заканчивающейся, всегда незавер-

¹ Sen A. Identity and Violence: The Illusion of Destiny. N.Y., London: W.W. Norton&Company Ltd. 2006. P. XII–XIII.

шённой, неоконченной, открытой в будущее деятельности, в которую все мы по необходимости либо сознательно вовлечены»¹.

Сравнивая плюралистическую концепцию идентичности, будь она ролевой или какой-либо иной (например, утверждающей, что имеется плюрализм «смыслов себя»), с предлагаемой нами процессуальной концепцией, мы вступаем в поле метафизических споров о соотношении единого и множественного, части и целого.

Обычно логика обсуждения вопроса о переходе от монистической идентичности традиционного общества к плюралистической идентичности модернизирующегося и особенно участвующего в глобализации общества нарушается прежде самоочевидной доказанностью связи единства и множественности², части и целого³. Однако когда эти связанные между собой противоположности становятся объектами культурной, национальной политики, это единство и связь объединяются либо разрываются политическим выбором. Так, политика плавильного тигля в США сочетала естественно-исторически сложившийся мультикультурализм различных социальных групп и их этнически-культурную идентичность с общеамериканским культурным единством и идентичностью по гражданству, при которой вышеприведённый Хантингтоном случай сожжения американского флага был бы невозможен. В СССР была примерно та же ситуация. «Советский народ» не был идеологической выдумкой, равно как «американский народ». Они существовали, а в рамках советской или американской гражданской идентичностей располагались этнические идентичности разных народов, культурные идентичности разных слоёв общества. Явно преобладала концепция единства множественности, общих рамок идентификации многообразных культурных групп.

Политика мультикультурализма, начатая Б. Клинтонем в целях обеспечения на выборах поддержки со стороны меньшинств, разрушила единство и привела к множеству идентичностей, не связанных целостностью. Распад СССР имел те же последствия, вплоть до национально-культурных конфликтов наследовавшей ему России.

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002. С. 192.

² Труфанова Е. О. Единство и множественность. М. : Канон. РООИ «Реабилитация», 2010. 255 с.

³ Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема / Отв. ред. выпуска А. В. Смирнов. М. : Языки славянских культур, 2010.

Подтверждение нашей мысли о политическом вмешательстве в разрыв связи единого и множественного, части и целого мы находим у В. А. Тишкова. Он говорит о дрейфе *идентичности* и этнической *процессуальности*: «Вместо возрождения, формирования, перехода, исчезновения этносов имеет место совсем другой процесс — это путешествие индивидуальной/коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причём в ряде случаев эти системы и возникают в результате дрейфа идентичности¹. И далее — «этническая идентичность — это не только постоянно меняющиеся представления о том, что есть группа, но это — всегда борьба за контроль за данным представлением, за дефиницию, за то, что составляет главные черты и ценности группы»².

Как показывает А. В. Смирнов, «мы можем ожидать, что в рамках процессуальной картины мира отношение *целое — часть* будет выстроено в соответствии с основополагающими характеристиками процессуального варианта процедуры смыслополагания...»³.

По мнению П. Рикера, «важно устранить значительную семантическую двусмысленность, угрожающую понятию идентичности. Сообразно латинским словам <idem> и <ipse> здесь накладываются друг на друга два разных значения. Согласно первому из них <idem>, <идентичный> — это синоним <в высшей степени сходного>, <аналогичного>. <Тот же самый> (<tete>), или <один и тот же>, заключает в себе некую форму неизменности во времени. Их противоположностью являются слова <различный>, <изменяющийся>. Во втором значении, в смысле <ipse>, термин <идентичный> связан с понятием <самости> (ipseite), <себя самого>. Индивид тождествен самому себе. Противоположностью здесь могут служить слова <другой>, <иной>. Это второе значение заключает в себе лишь определение непрерывности... Задача скорее состоит в том, чтобы исследовать многочисленные возможности установления связей между постоянством и изменением, которые соответствуют идентичности в смысле <самости>»⁴.

¹ Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 2003. С. 120–123.

² Там же.

³ Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема. С. 104.

⁴ Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М. : Akademia, 1995. С. 19.

Среди конфликтов и противоречий, которые имеются в сегодняшней России и других странах, кризис идентичности как общества в целом, так и отдельного человека признан основополагающим. Даже экономические проблемы отходят на второй план в сравнении с невозможностью людей и общества ответить на вопрос: «кто я?» и «где я?» и следующие отсюда вопросы о целях, смыслах, ценностях.

Идентичность и экономика

И тем не менее недооценка социально-экономического фактора в анализе идентичности является серьёзным пробелом в её изучении. Экономическое мировоззрение выступает важным аспектом формирования и изменения идентичности. Так, известно, что в России традиционно это мировоззрение в народе было связано с мирской аскезой. В частности, об этом писал С. Булгаков М. Веберу во время Первой русской буржуазной революции, что позволило Веберу заключить, что капитализм в России не имеет духовных оснований и не может состояться. Китайцы давно имели обширный человекоёмкий рынок, о котором писал ещё А. Смит. Их экономическое мировоззрение было связано с идеей труда и накопления, а не потребления и трат. В этих странах большинство не было ориентировано на высокий потребительский стандарт, который сложился в развитых капиталистических странах, прежде всего в США.

Однако в развитых капиталистических странах произошла ориентация как на самый высокий стандарт, достигнутый США, так и на более рациональный и тем не менее высокий западноевропейский стандарт.

Развитие этих потребительских стандартов формировалось развитием капитализма, индустриальными революциями XIX века и становлением потребительского общества в западном мире середины XX века. Цель потребительского общества — найти источники развития производства не только в рабочих, число которых убывало с развитием техники, но также в потребителях, растущие потребности которых стимулируют экономический рост.

Сегодня консьюмеризм вырос в моральную проблему, характеризуя современного человека не как автономного ответственного индивида, а как усреднённого человека массы. Об этом хорошо пишут Ж. Бодрийяр, Э. Бауман, У. Бек. В отечественной литературе эта тема недостаточно разработана, но некоторые авторы — Н. Н. Зарубина, В. С. Автономов, В. А. Колпаков и автор данной статьи — к ней

обращались. Особый интерес представляет экономическое поведение среднего класса. Его высокие стандарты в США характеризуют не только и не столько «престижное потребление» консьюмерской массы, сколько привычку к комфортному существованию среднего класса. По мере роста среднего класса в сегодняшней России мировоззрение, при котором культивировалось «нестяжательство», «экономическая скромность», накопление, а не траты, стало меняться, меняя и идентичность людей.

И сегодня, когда промышленное развитие перенесено в Азию, в Латинскую Америку, в Россию, а Запад, находясь на вершине технологической иерархии, формирует образы будущих продуктов и образ жизни, в котором потребление играет огромную роль, индустриальный мир незападных стран обратился в лице своего среднего класса к тем же стандартам.

Т. Фридман показывает, что эти преобразования показали бы вчера американцам замечательными, т. к. амбиции США состояли и в распространении присущего им образа жизни, но сегодня их страшит то, что развитие мирового потребительского стандарта в сторону приближения его к американскому даже в пределах представителей среднего класса новых экономически растущих стран потребует бóльших ресурсов, чем имеется в мире.

На наш взгляд, впервые возникают предпосылки формирования компонентов общечеловеческой идентичности на любом уровне её существования — индивидуальном, национальном, региональном, локальном, классовом, групповом и пр., поскольку изменения климата вследствие человеческой деятельности и нехватка энергии становятся эмпирически наблюдаемыми даже на повседневном уровне.

Интерес учёных к экономической антропологии сегодня проявляется в попытках рассмотреть связь этики и экономики, признать незападные пути развития экономики и коммунитаризм как форму связи людей, способствующую развитию социального капитала. Как отмечает немецкий представитель экономической антропологии Х. Шрадер, и в западном проекте современности, и в планах сторонников коммунитаристского подхода просматривается попытка посредством укрепления социальной сферы преодолеть напряжение, внутренне присущее рыночному обществу.

Экономика получает потребность в антропологическом измерении, которое ставит вопрос о человеческом капитале и социальном

капитале. Первый сегодня в эту новую эру «Энергия — Климат» включает не только подготовку людей, их образование, но их способность увидеть такой капитал в человечестве как субъекте деятельности в условиях глобализации. Концепт «человечество» в явном виде фигурировал у О. Конта, но не был развит в социологии, уходя в национальные школы и понимание общества как ограниченное при Вестфальской системе национальными государствами. Социальный капитал, понимаемый как развитие доверия и общественных связей в интересах всех людей данного общества, сегодня охватывает также взаимную ответственность за человечество в целом и социальное конструирование реальности на этом уровне. Как уже было отмечено во многих наших публикациях, *проблема* идентичности не является проблемой самовоспроизводящих себя традиционных обществ. Их идентичность — самотождественность или «смысл себя» — остаются устойчивыми и не создающими проблем. Только общественные преобразования — индустриализация, урбанизация, модернизация, глобализация, изменение социально-экономических отношений, новые формы культуры заставляют людей задумываться о смыслах, которые они разделяют, о том, кто они. Потеря ценностно-смысловых ориентаций в ходе быстрых перемен представляет одну из самых актуальных проблем общества. Кризис идентичности характеризуется разрушением ценностно-смысловой сферы, является кризисом ценностей. Аномия, фрустрация, апатия выступают как спутники и показатели кризиса идентичности. Общество в существенной степени маргинализируется и утрачивает свои моральные основания. Подобная угроза делает чрезвычайно актуальной задачу анализа всех факторов, влияющих на идентичность, и в особенности таких, как глобализация и малоизученный социально-экономический фактор, включающий переход к капитализму и рыночной экономике, к новым стандартам потребления, к формированию среднего класса. Исходя из разделяемой автором концепции процессуального (а не ролевого) характера идентичности могут быть намечены новые пути преодоления её кризиса.

В терминах *часть* и *целое* мы имеем те же проблемы. Согласимся с А. В. Смирновым, что «мы можем ожидать, что в рамках процессуальной картины мира отношение *целое* — *часть* будет выстроено в соответствии с основополагающими характеристиками процессуального варианта процедуры смыслополагания, задающего

соответствующую трактовку отношения противоположения-и-объединения»¹. Это сказано в отношении арабо-мусульманской трактовки проблемы идентичности, но в европейской и российской практике разьединение этих связей тоже требует сознательных усилий, чаще всего политических (сепаратизм территорий, конфликт поколений, резкие трансформации, не приводящие к установлению национального ценностного консенсуса).

Библиография

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
2. *Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М., 1995.
3. Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема / Отв. ред. выпуска А. В. Смирнов. М., 2010.
4. *Тишков В. А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 2003.
5. *Труфанова Е. О.* Единство и множественность. М., 2010.
6. *Фридман Т.* Плоский мир: Краткая история XXI века. М., 2006.
7. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
8. *Cerulo K. A.* Identity Construction: New Issues, New Directions // Annual Review of Sociology., 1997.
9. *Sen A.* Identity and Violence: The Illusion of Destiny. N.Y., London, 2006.

¹ Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема. С. 104.

АСПЕКТЫ

*СВЯТОСЛАВСКИЙ Алексей Владимирович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры культурологии,
Московский педагогический
государственный университет
ale1906@yandex.ru*

О некоторых теоретико-методологических проблемах охраны культурного наследия / Some theoretical and methodological problems of cultural heritage protection

Аннотация

В статье рассмотрен ряд нерешённых, по мнению автора, проблем, связанных с терминологическими, системными и классификационными аспектами работы с культурным наследием, среди них — проблема видового определения объекта культурного наследия, проблема классификационной иерархии памятников культуры и др. Дан критический анализ ряда положений действующих законодательных документов в области охраны наследия.

Ключевые слова

Культурное наследие; памятник; памятник культуры; охрана культурного наследия.

Annotation

Author considers the problems concerning with methodological, terminological and classificational aspects of cultural heritage protection system. The critical analysis of present legislative documents in the field of cultural heritage protection is given.

Keywords

Cultural heritage; monument; protection of cultural heritage.

Ни у кого не вызывает сомнения необходимость существования отрасли социокультурных практик, связанной с культурным наследием. Она включает деятельность по сохранению, передаче, использованию наследия и в проекции на существующие научные дисциплины предстаёт как междисциплинарная область. Впрочем, сегодня даже в рубрикаторе научных специальностей ВАКа есть отдельная специальность 24.00.03 «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов», что ещё более повышает статус данной отрасли, но при этом требует определённой теоретико-методологической основы. И вот здесь скопилось немало проблем, которые отчасти и являются причиной известных трудностей в системе охраны наследия.

Основной трудностью в определении тематических и проблемных границ указанной области является разнообразие мнений по поводу её основного понятия — наследия, а также определения его структурных единиц. Мы придерживаемся той традиционной для отечественной культурологии точки зрения, что понятие культурного наследия ограничено пониманием культуры как явления, непосредственно отражающего деятельность человеческой личности в историческом процессе. Антонимичным понятию культурного наследия по наличию/отсутствию этого признака (является или нет результатом социокультурной деятельности) выступает понятие *природной среды*. Однако за рубежом в XX столетии получил хождение термин «природное наследие» (natural heritage), который был взят на вооружение некоторыми отечественными специалистами, пришедшими в 1990-е гг. в эту отрасль из негуманитарных сфер. Теперь этот термин нередко чисто механически присоединяется к термину «культурное наследие» для образования некоего неразрывного целого, именуемого «культурным и природным наследием». Это комплексное по существу понятие стало весьма употребительно, претендуя на то, чтобы стать общеизвестным понятием. В 1990-х гг. был даже создан Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва в системе Минкультуры РФ.

На наш взгляд, в основе понятия «наследие» лежит то, что наследуется, т. е. *передаётся* из поколения в поколение как социальный акт. Объекты же природы никак не подпадают под этот процесс, ибо никакого исторического коммуникационного процесса при взаимодействии с ними разных поколений человечества не возникает. Природа не наследуется, но существует вне социальной коммуникации,

частным случаем которой может рассматриваться историческая коммуникация. (Если, конечно, не рассматривать природу как однажды унаследованную человечеством от Творца, но и в этом случае *социальной* коммуникации не возникает.) Гарольд Лассуэлл, один из основателей коммуникативистики, выделяет передачу культурного опыта из поколения в поколение (*transmission of the social heritage from one generation to the next*) именно как одну из трёх основных форм социальной коммуникации¹.

В последнее время иногда отмечается желание избавиться от традиционного понятия памятника как основной единицы культурного наследия, *противопоставляя* его понятию наследия как таковому. «Дефиниция “памятник”, — пишет в связи с этим одна из исследователей, — прежде всего ориентируется на сохранение памяти, воспоминания; он выключен из активной хозяйственной деятельности; наследие же — это то, что передали нам предки, но передали не просто на сохранение, но для интерпретации и приумножения»². Мы не можем согласиться с этим, поскольку памятник в научном (не в узко бытовом) понимании всегда мыслился как единица наследия, что нашло отражение в трудах авторитетной памятниковедческой школы, сложившейся ещё в 1980-х гг. в Российском институте культурологии (быв. НИИ культуры).

В Конвенции ЮНЕСКО 1972 года об охране наследия хотя и используется понятие природного наследия (*natural heritage*), что, на наш взгляд, также некорректно, но оно хотя бы отделяется от понятия культурного наследия. Последнее включает в себя «памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи; элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; ансамбли: группы изолированных или объединённых строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории,

¹ Lasswell H. *The Structure and Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication* / Ed. by W. Schramm and D. F. Roberts. Urbana: University of Illinois Press, 1971. P. 85.

² Миронова Т. Г. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества: Дис. на соиск. учён. степ. канд. культурологии. М., 2000. С. 77.

искусства или науки; достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии» (Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Ст. 1)¹.

Таким образом, даже здесь, при сомнительной корректности понятия «совместные творения человека и природы» (правильнее уж было бы говорить об окультуренной природе), нарушения естественной языковой оппозиции «рукотворный — нерукотворный» не допущено. Правда, могут возразить, что, скажем, К. Ясперс ещё в вышедшей в 1949 г. работе «Истоки истории и её цель» относит понятие наследования к природе, а не к истории, в которой действует традиция. Однако немецкий учёный уточняет при этом, что речь идёт о внутренней естественной *природе человека*, которая естественным образом наследуется детьми от родителей².

Таким образом, говоря о культурном наследии, мы вторгаемся не в область природной среды, а в область культуры памяти. Значение слова «памятник» в истории русского языка допускало некоторые семантические колебания, а в целом тенденция сводится к сужению толкования значения от эпохи начала XIX в. к современности. В то же время определение памятника имеет серьёзное научное значение в аспекте теории культурного наследия и практическое значение — в аспекте прикладной культурологии (музееведение, охрана наследия, консервация и реставрация исторической среды).

При анализе работ, посвящённых изучению памятника как явления культуры, выясняется, что они перекрывают предметные области нескольких смежных дисциплин: истории искусств и искусствоведения, эстетики, исторического источниковедения, педагогики, архитектурно-градостроительной теории и др. Это неизбежно вытекает из сложности и полифункциональности памятника как явления культуры и разнообразия пониманий этого явления. Попытаемся осмыслить органические, типологические черты памятника в системе культуры, дающие право самому понятию не быть вытесненным понятиями «исторический источник» или, скажем, «произ-

¹ http://www.un.org/russian/document/convents/cultural_heritage.pdf

² Ясперс К. Истоки истории и её цель // В кн.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. Изд. 2-е. М.: Республика, 1994. С. 244–245.

ведение искусства», при том, что его семантическое поле очевидно пересекается с полями этих понятий.

Некорректное в научном отношении (тавтологичное) понятие *памятник истории и культуры* было рождено ещё в советской системе учёта и охраны памятников, где в одном ряду неудачно сосуществовали «памятники истории», «памятники искусства» и... «памятники культуры». К сожалению, ныне действующее законодательство унаследовало от той эпохи понятие *памятник истории и культуры*, даваемое, правда, в скобках, как синонимичное.

Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (в ред. Федеральных законов от 27.02.2003 № 29-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ (ред. 29.12.2004), от 03.06.2005 № 57-ФЗ, от 31.12.2005 № 199-ФЗ, от 18.12.2006 № 232-ФЗ, от 29.12.2006 № 258-ФЗ (ред. 18.10.2007), от 26.06.2007 № 118-ФЗ, от 18.10.2007 № 230-ФЗ, от 08.11.2007 № 258-ФЗ, от 13.05.2008 № 66-ФЗ, от 14.07.2008 № 118-ФЗ, от 23.07.2008 № 160-ФЗ, от 18.10.2010 № 277-ФЗ, от 30.11.2010 № 328-ФЗ, с изм., внесёнными Федеральным законом от 17.12.2009 № 313-ФЗ, от 13.12.2010 № 358-ФЗ) (далее — Закон об объектах наследия) даёт следующее определение родового понятия наследия: «К объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации (далее — объекты культурного наследия) в целях настоящего Федерального закона относятся объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» (глава 1, ст. 3)¹.

Понятие «памятник истории *и* культуры» очевидно страдает избыточностью. Достаточно исчерпывающе звучит термин «памятник культуры» (впрочем, по большому счёту, и он тавтологичен — всякий памятник имеет смысл лишь в пространстве культуры и ею порождён!).

¹ <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=107425;fld=134;dst=4294967295;from=69446-8>.

Далее. В Законе об объектах наследия сначала ставится знак равенства между недвижимым наследием и памятниками культуры (понятие дано в скобках как синонимичное), а затем памятник почему-то попадает в одну из трёх *разновидностей* объектов недвижимого наследия, поскольку дальше в той же 3-й статье указанного Закона сказано, что «Объекты культурного наследия в соответствии с настоящим Федеральным законом подразделяются на следующие виды:

— памятники — отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями (в том числе памятники религиозного назначения: церкви, колокольни, часовни, костёлы, кирхи, мечети, буддистские храмы, пагоды, синагоги, молельные дома и другие объекты, построенные для богослужений); мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки (далее — объекты археологического наследия);

— ансамбли — чётко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединённых памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения (храмовые комплексы, дацаны, монастыри, подворья), в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи;

— достопримечательные места — творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки постро-

ек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов»¹.

Таким образом, данное определение носит сугубо прикладной характер и не может претендовать на общенаучное культурологическое определение памятника в силу того, что как родовое понятие в Законе об объектах наследия установлены «недвижимые объекты культурного наследия» — они же «*памятники истории и культуры*», а в качестве одного из видовых, на одном уровне иерархии с ансамблями и достопримечательными местами, снова выступает... *памятник* (теперь уже как частный случай наследия). Кроме того, снова употребляется сомнительное с научной точки зрения определение «совместные творения человека и природы».

Строго научное определение памятника должно предполагать охват и движимых объектов наследия, а также нематериального (духовного) наследия. Функционально в категорию памятников во всяком случае попадают так называемые музейные предметы, которые не включены в перечислительное определение понятия культурного наследия в Законе об объектах наследия. Им посвящён Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (в ред. Федеральных законов от 10.01.2003 № 15-ФЗ от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 26.06.2007 № 118-ФЗ, от 23.07.2008 № 160-ФЗ, от 08.05.2010 № 83-ФЗ), статья 3-я главы 1-й которого определяет музейный предмет безотносительно понятия памятника, а через понятие культурной ценности, «качество, либо особые признаки которой делают необходимым для общества её сохранение, изучение и публичное представление»².

Такое положение, видимо, вызвано тем, что в современном речевом обиходе на первое место вышло понимание памятника лишь как городского архитектурного или скульптурного монумента и не более того. Современный Толковый словарь русского языка подтверждает такое толкование понятия памятника как наиболее частотное: «Памятник: 1. Скульптура или архитектурное сооружение в память

¹ <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=107425;fld=134;dst=4294967295;from=69446-8>.

² <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=100324;fld=134;dst=4294967295;from=78671-6>.

кого-чего-н. (выдающейся личности, исторического события. 2. Сохранившийся предмет культуры прошлого»¹.

Определению понятия памятника посвящено немало работ, но единого понимания так и не выработано, хотя многие определения дополняют друг друга. Большинство определений, пришедших из советской системы охраны памятников, потеряло всякий смысл из-за своей явной идеологизированности. Так, принятый в 1979 г. и действовавший до 2002 г. Закон РСФСР об охране и использовании памятников истории и культуры определял памятники как «сооружения и места, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни народов СССР, революционного движения, Гражданской и Великой Отечественной войн, социалистического строительства; памятники мемориального значения, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся государственных и политических деятелей, народных героев и знаменитых деятелей науки, искусства и техники, их могилы; памятники истории техники, военного дела, хозяйства и быта»². Принять такое прикладное определение за теоретическое было и тогда невозможно, ибо подход к памятнику культуры с точки зрения его значимости для господствующей идеологии вполне оправдывает снос и срочную замену одних памятников на другие в случае смены этой идеологии или настроений в массах, что встречается в истории многих стран мира (Россия, Франция, Германия) в новейшую эпоху. Один из энциклопедических словарей начала XX в. определяет памятники как «сооружения, воздвигаемые в память известных лиц и событий»³. Однако и здесь неясно, что стоит за словом «известные», а значение сведено к одной из разновидностей памятников — специальным мемориальным сооружениям.

Недостаточно ограничиваться материальной оболочкой памятника ещё и потому (о духовном наследии уже говорилось), что сами же современные законодательные документы предполагают воссоздание особо ценных утраченных памятников. Следовательно, потеряв материальную оболочку, памятник продолжает существовать в ин-

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М., 2003. С. 490.

² Закон РСФСР от 15.12.1978 «Об охране и использовании памятников истории и культуры». М., 1979. С. 4.

³ Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 2 т. Репринт. изд. М., 1992. Т. 2. С. 1755.

формационном поле (виртуальной среде). По большому счёту, будучи храним в памяти (включая описания, изображения и т. д.), памятник сохраняет себя в культуре и не может быть «анонсирован» или «денонсирован» как таковой, возможна лишь декларация того или иного отношения к памятнику со стороны той или иной группы людей, социума, государства, постанова или непостанова на учёт как охраняемый объект, но не более того. Пример возрождения утраченного памятника — храм Христа Спасителя в Москве.

Более точным видится определение памятника истории культуры, предложенное когда-то А. Н. Дьячковым, как «одной из функций элементов предметного мира культуры, выделяемой людьми для осуществления передачи общественно значимых культурных и технологических традиций из прошлого в будущее»¹. То есть речь идёт не о значимости мемориализованного лица, а о значимости традиции.

Примечательно, что в отечественном законодательстве параллельно с указанными законами о наследии существует закон, оперирующий вполне корректным с научной точки зрения понятием «культурные ценности» — это Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (ред. от 17.07.2009). В строгом смысле понятие «культурных ценностей» перекрывает семантику понятия «памятника истории и культуры» и могло бы заменить его в вышеуказанных основополагающих документах по работе с наследием. С другой стороны, возможно и использование термина «объект культурного наследия», который уже используется как основной в Законе об объектах наследия, но в то же время он не смог ещё окончательно вытеснить устаревший термин «памятник истории и культуры».

При неоднозначности пониманий, безусловно, существует некое смысловое ядро в значении слова «памятник», позволяющее заняться исследованием уникальной роли памятника как выражения более сложного явления — памяти. Феномен памятника предполагает его принадлежность прошлому и ценность для настоящего. При этом возникают вопросы, является ли любой атрибут минувшего потенциальным или реальным памятником; вытекает ли его ценность для

¹ Дьячков А. Н. Памятники в системе предметного мира культуры // Памятник и современность. Вопросы освоения историко-культурного наследия. М., 1987. С. 52.

настоящего из его принадлежности прошлому как таковой; и если да, то чем эта ценность вызвана. Есть научно обоснованное предложение в принципе к любому продукту социокультурной деятельности относиться как к памятнику, поскольку он может явиться источником уникальной технологической информации и, кроме того, самую свою рукотворностью воспитывает уважение к чужому труду. И с этим нельзя не согласиться. Значительно сложнее оказывается вопрос абсолютности/относительности ценностных характеристик. Это неслучайно, так как даже во времена классового подхода к этическим и эстетическим категориям допускались ценности «классовые» и «общечеловеческие», иначе говоря, преходящие и вечные. Здесь необходимо проанализировать функционально-смысловые аспекты памятника истории культуры, так как, апеллируя к разным сторонам его содержания (и, соответственно, функциям), исследователи переходят в разные системы ценностей. А это мешает формулировке универсального научного определения памятника.

Как правило, исследователи выделяют следующие социальные функции памятника: информационную, эстетическую, воспитательную, утилитарную. В разных памятниках в разной среде бытования эти функции выражены неравнозначно. В современном массовом сознании сегодня понятие памятника культуры в значительной мере ассоциируется со сферой искусства (памятники архитектуры, городская мемориальная скульптура), и в обиходе их часто оценивают с точки зрения эстетических предпочтений. Примеры последних лет: горячие споры вокруг памятника Петру I работы З. Церетели, памятника Г. К. Жукову работы В. Клыкова, памятника Ф. М. Достоевскому работы А. Рукавишникова, Мемориального комплекса на Поклонной горе в Москве.

В зависимости от осознания той или иной функции как преобладающей реципиент переводит памятник в ту или иную систему оценок и судит его то как исторический источник, то как источник эстетического наслаждения и т. д. Однако существует ещё одна функция памятника, которая является типологически определяющей для этого явления культуры. Это мемориальная функция. Что же касается определения слова «памятник» как основной единицы наследия, то его рано списывать в архив. С позиций семиотики он может быть определён как знак, участник социальной коммуникации, отсылающий реципиента к определённому явлению в прошлом для передачи социально значимой информации.

Библиография

1. Дьячков А. Н. Памятники в системе предметного мира культуры // Памятник и современность. Вопросы освоения историко-культурного наследия. М., 1987.
2. Миронова Т. Г. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества: Дис. на соиск. учён. степ. канд. культурологии. М., 2000.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М., 2003.
4. Ясперс К. Истоки истории и её цель // В кн.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. Изд. 2-е. М., 1994.
5. Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication / Ed. by W. Schramm and D. F. Roberts. Urbana: University of Illinois Press, 1971.
6. Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 2 т. Репринт. изд. М., 1992. Т. 2.
7. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=107425;fld=134;dst=4294967295;from=69446-8>
8. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=100324;fld=134;dst=4294967295;from=78671-6>
9. http://www.un.org/russian/documen/convents/cultural_heritage.pdf

*ПОТЕХИН Виктор Анатольевич,
кандидат социологических наук,
докторант кафедры социологии,
Российский университет дружбы народов
potehin@amail.ru*

Либеральные реформы и сильная власть: история и современность / Liberal reforms and the strong power: history and the present

Аннотация

В статье на основе результатов социологического исследования, проведённого по теме «Москва и москвичи на старте века», рассматривается вопрос об актуальности системной модернизации российского общества и существующих опасностях «модернизационного срыва». Проводятся исторические параллели и аналогии модернизации России при переходе к капитализму и рыночным отношениям в начале прошлого и нынешнего веков.

Ключевые слова

Модернизация государственного управления; общественное мнение москвичей; социальные реформы и преобразования; либеральные ценности; сильная и социально ответственная власть.

Annotation

In the article the issue of actual system modernization of the Russian society and existing dangers of «modernization failure» are considered on the base of results of the sociological research «Moscow and Muscovites on start of a century». Parallels in history and analogies of modernization of Russia are spent at transition by capitalism and market relations in the beginning of last and these centuries.

Keywords

Government modernization; public opinion of Muscovites; social reforms and transformations; liberal values; the strong and socially responsible power.

Модернизация системы государственного управления, которая реализуется в Российской Федерации в условиях переходного периода, как и подобает этому периоду, носит двойственный, противоречивый и непоследовательный характер. Двойственность и противоречивость российской модернизации государственного управления в условиях развития рыночных отношений и гражданского общества вытекает из объективного противоречия, которое сложилось из двух сложносовместимых между собой исторических императивов развития. С одной стороны, необходимости проведения либеральных реформ, высвобождающих социальную энергию, инициативу и предприимчивость основных социальных субъектов общественного развития, с другой — сохранение «сильного государства», способного реализовать эти реформы, сохранить общественный порядок и социальную стабильность в социально расслоённом обществе, многонациональной и многоконфессиональной стране. В принципе, данная проблема не нова для России и имеет давние исторические корни.

Анализ социальных концепций преобразований в России начала XX и начала XXI веков свидетельствует, что они во многом базируются на принципах либерального консерватизма (традиционализма), объединяющего идеи сильного государства и сильной власти с принципами неприкосновенности личности и частной собственности, законности, гражданской и политической свободы, общественного диалога и общественного договора.

В частности, выдвинутый ещё основателем государственной школы Б. Н. Чичериным принцип «либеральные реформы и сильная власть», с опорой на просвещённый консерватизм остаётся во многом актуальным и сегодня.¹ По мнению некоторых исследователей, эти принципы легли в основу столыпинской концепции модернизации российского общества «сверху» в начале XX века, во многом они актуальны и в отношении реформ системы государственного управления начала XXI века.²

¹ Чичерин Б. Н. *Философия права*. СПб. : Наука, 1998.

² Ивченко С. Г. *Реформы Столыпина: история и современность*. Саратов : Изд-во СГУ, 2000.

Так же, как и Б. Н. Чичерин и ряд представителей консервативного лагеря, П. А. Столыпин выступал за сильную власть, как «средство для охранения жизни, спокойствия и порядка, поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластие, нельзя не считать опасным безвластие правительства».¹ Среди других принципов проведения российской модернизации управления, приверженцем которых был П. А. Столыпин и которые как нельзя актуальны сегодня, были также следующие фундаментальные положения:²

- создание правовой государственности со строгим соблюдением законов;
- подкрепление политических реформ глубокой социальной модернизацией;
- эволюционное, обусловленное объективными условиями поэтапное реформирование;
- необходимость глубинной трансформации общественного сознания как условие успешной модернизации;
- создание независимых собственников как основы среднего класса;
- поднятие благосостояния народа как условия социальной стабильности;
- развитие местного самоуправления с передачей ему части государственных функций;
- патриотизм, поиск «русского пути», учёт национальных социально-культурных особенностей.

Важно отметить, что в отличие от С. Ю. Витте, П. А. Столыпин отводил достаточно большую роль в осуществлении модернизационных преобразований государству и властным институтам. В его представлении «область правительственной власти есть область действий» и этим отличается от области дискуссий, характерных для представительских структур. Исполнительная власть, правительство в своей деятельности должно быть нацелено на объединение разрозненных усилий, на восстановление и развитие основ жизнедеятельности общества. Чёткое следование намеченной программе и единство всех

¹ 8 июня 1906 г.; Государственная Дума; ответ П. А. Столыпина на запрос Государственной Думы о А. П. Щербаче. (http://foxdesign.ru/aphorism/author/a_stolipin3.html)

² *Ивченко С. Г.* Актуализация проблем реформаторской деятельности П. А. Столыпина // Некоторые проблемы социально-политического развития современного российского общества. Саратов, 2000. Вып. № 7.

государственных органов в её реализации являются, по мнению Столыпина, важным залогом успеха реформаторских преобразований, которые необходимо проводить последовательно и планомерно.

Сегодня главная нацеленность российской модернизации, как и сто лет назад, — преобразование и усовершенствование общественных отношений и властных институтов, проведение системных политических, экономических, социальных реформ, способных дать новый импульс развития государства и общества на новом историческом этапе его эволюции.

Опыт и историческая практика модернизации государственной власти в России свидетельствуют о том, что успех преобразований определяется как сущностным содержанием, принципами, чётким механизмом реализации реформаторского курса, так и масштабностью исторической личности реформатора, политическим и организаторским талантом политика — инициатора преобразований. В то же время, как показывает опыт «модернизационных срывов», приведших к крушению Российской империи в 1917 г. и СССР в 1991 г., даже наличие перспективного курса преобразований и масштабной личности реформатора не спасают от революционных потрясений и отката назад. «Модернизационный срыв» часто является следствием слабого подкрепления политических и экономических реформ глубокой социальной модернизацией, определяющей не только рост социальной защищённости и благосостояния членов общества, но и уровня социальной справедливости в обществе и гражданского достоинства личности.

Серьёзными рисками «нового модернизационного срыва» проводимых в настоящее время реформ системы государственного управления могут стать, на наш взгляд, процессы дестабилизации и обвального провала социальной сферы, разложения базовых социальных ценностей и отношений, на которых базируются общественное доверие и консолидация. Данные социологического опроса (автор принимал участие в концептуальном осмыслении полученных результатов по вопросам отношения респондентов к модернизации разных сторон жизни российского общества. — **В. П.**) во многом подтверждают приближение подобных опасностей, которые нашли своё отражение в массовом сознании.¹

¹ Социологический опрос по теме «Москва и москвичи на старте века» проводился Институтом социально-политических исследований РАН и Московским институтом социально-культурных программ в ноябре 2010 г., опрошено 694 респондента по репрезентативной городской выборке.

Москва и москвичи, конечно, несколько отличаются от других регионов России и их жителей и главным образом тем, что многие социальные, политические, экономические процессы и тенденции проявляются в столице раньше, чем в других городах, проходят более выпукло и многообразно, и поэтому могут быть выявлены и обнаружены на ранних этапах возникновения нежелательных проявлений.

Среди целого комплекса исследовательских задач в ходе социологического опроса выявлялись, в частности, отношение москвичей к провозглашённому курсу на системную модернизацию российского общества и государства и оценки хода и перспектив намеченных преобразований.

На сегодняшний день, как считает подавляющее число опрошенных москвичей, социально-политическая и социально-экономическая ситуация в стране далека от благополучия. Так, по данным проведённого социологического опроса, социально-политическую ситуацию считают благополучной только 9,5%; социально-экономическую ситуацию — только 4,8% респондентов. Неблагополучными их считают соответственно 43,7% и 40,8%; кризисной — 24,3% и 34,2% респондентов. Примерно каждый пятый опрошенный москвич затруднился ответить на данный вопрос.

Полученные данные свидетельствуют о серьёзных проблемах, с которыми, по мнению москвичей, столкнулись современное российское общество и государство в настоящее время. В первую очередь — это *проблемы прав человека, социальной справедливости, уважения к своей стране и её многонациональному народу, общественного порядка и безопасности*. Традиционно в массовом сознании россиян наиболее существенные для общества и государства социальные требования воспринимаются в качестве общенациональной идеи. Несмотря на определённую критику со стороны ряда политиков, учёных и публицистов самой «общенациональной идеи» как определённого рудимента традиционалистского, отсталого общества, как показал опрос, она до сих пор актуальна для новой России. Например, отвечая на вопрос анкеты: «Считаете ли Вы, что сегодня нашему обществу нужна общенациональная идея, сплачивающая россиян независимо от их национальности, вероисповедания, положения в обществе и достатка?», 59,7% москвичей отметили позицию «Да, необходима». Только 8,3% респондентов указали на то, что общенациональная идея не нужна. Каждый третий затруднился ответить на данный вопрос.

По сути, в настоящее время провозглашённый Президентом РФ курс на модернизацию можно отнести к своего рода общенациональной идее, нацеленной на выражение главного направления развития и призванной объединить в своей основе государство и общество на пути достижения общего социального блага.

В то же время, как показывает анализ результатов социологического исследования, в массовом сознании ещё не произошло объединения и сплава идей модернизации с идеей общего блага — так называемой общенациональной идеей. Содержание, смысл, планы и программа воплощения идеи модернизации основных сфер жизнедеятельности общества до сих пор остаются достаточно туманными и неясными для подавляющего числа опрошенных москвичей.

Как показал социологический опрос, только 7,4% респондентов указали на то, что «знают достаточно много» о планах модернизации; 36,2% — «ничего об этом не знают»; 39,7% — «осведомлены в общих чертах». Достаточно невысокий уровень информированности общества о социальном и социально-политическом содержании процессов модернизации российского общества и государства порождает во многом пессимизм и неуверенность в достижении намеченных в ходе её реализации целей. Результаты опроса свидетельствуют о том, что число «пессимистов», которые не верят в успех модернизации, значительно превышает количество «оптимистов», которые ожидают от неё важных позитивных эффектов, способных улучшить социально-экономическую и социально-политическую ситуацию в обществе (54,1% и 41,8% соответственно).

Несмотря на некоторый пессимизм в оценках перспектив модернизации, значительная часть опрошенных москвичей считает, что без модернизации страна обречена на продолжение и расширение кризиса и у неё нет другой альтернативы, кроме революции и радикальных реформ, которые могут повергнуть российское общество и государство в смуту социального хаоса и распада. По мнению подавляющей части опрошенных москвичей, необходима системная модернизация нашего общества. Только 4,9% респондентов, отвечая на вопрос анкеты: «Каково Ваше мнение о политической системе нашего общества?», отметили, что она их полностью устраивает. 42,2% респондентов отметили, что хотя в политической системе нашего общества много недостатков, но их можно устранить путём постепенных реформ. Значительная группа опрошенных (30,9%) выразили достаточно радикальную позицию, отметив, что их не устраивает политическая система нашего общества, её необходимо радикально изменить. Как видно,

мнения москвичей по данному вопросу разделились, и, несмотря на то что настроения системной модернизации общества и его поэтапного реформирования пока ещё продолжают доминировать в массовом сознании, тем не менее возникла серьёзная опасность радикализации общественных настроений. Конечно, эти данные скорее свидетельствуют не столько о возникновении революционной ситуации, сколько об ослаблении и подрыве общественного иммунитета к революционным воззваниям и ожиданиям, что само по себе представляет серьёзный вызов для социальной стабильности и безопасности в обществе. Подобные общественные настроения и состояния массового сознания вызваны рядом обстоятельств.

Во-первых, к ним можно отнести неспособность общественной и государственной системы современной России достойно и адекватно ответить на возникший мировой экономический и социальный кризис. Как показал опрос, только каждый пятый респондент считает, что борьба с кризисом вообще ведётся. Причём из группы людей, которая считает, что борьба ведётся, только 22,0% респондентов считают её успешной; 43,6% — неуспешной; 34,3% — затруднились ответить.

Во-вторых, видение респондентами причин кризиса в первую очередь в злоупотреблениях и ошибках в действиях государственных структур и отечественных финансово-промышленных групп, а также в деятельности крупных предпринимательских структур. В частности, об этом свидетельствуют следующие распределения ответов респондентов: 41,4% считают, что экономический кризис в России начался по внутренним причинам; 44,5% — что кризис обусловлен «финансовыми махинациями зарубежных и российских банковских и предпринимательских структур»; 34,4% — «кризис специально спровоцирован, чтобы богатые стали ещё богаче, а бедные ещё беднее».

В-третьих, осознание значительной частью москвичей несовершенства внутригосударственных (34,4%) и межгосударственных (27,9%) экономических отношений.

Важно отметить, что, несмотря на то что модернизация разных сторон социально-экономической и социально-политической жизни носит системный характер и затрагивает разные аспекты жизнедеятельности общества, в первую очередь речь должна идти, по мнению москвичей, о модернизации управленческой деятельности, о системной модернизации всего государственного управления. Самым главным и ключевым фактором, обуславливающим системную модернизацию государственного управления, является, как счита-

ют опрошенные москвичи, неспособность нынешнего государства обеспечить фундаментальные нормы и императивы развития и функционирования современного общества. Об этом, в частности, свидетельствуют данные, приведённые ниже (см. табл.).

**Способность государства обеспечить
следующие нормы демократического общества¹**

| Нормы современного демократического общества | Значение индекса уровня реализации социальной нормы |
|---|--|
| Религиозная свобода | +23,2 |
| Свобода слова | -19,6 |
| Свобода политического выбора | -22,9 |
| Терпимость к чужому мнению | -32,9 |
| Социальные гарантии | -47,8 |
| Безопасность граждан | -54,3 |
| Соблюдение гражданских прав | -62,9 |
| Равенство всех граждан перед законом | -65,0 |

В настоящее время, как считают опрошенные москвичи, со стороны государства фактически не обеспечивается реализация таких неперенных для современного общества социально-политических функций, как равенство граждан перед законом, соблюдение гражданских прав человека и его социальных гарантий, безопасность граждан. Как свидетельствуют результаты исследования, уровень обеспеченности этих фундаментальных норм жизнедеятельности общества находится на крайне низком, можно сказать, критическом уровне. В силу неспособности государственных органов управления решить многие наболевшие социальные и экономические проблемы жизни населения рейтинг доверия респондентов к институтам власти находится также на низком уровне. В частности, Президенту РФ доверяют 33,5%; Правительству РФ — 19,5%; Совету Федерации — 12,8%; Государственной Думе — 9,4%; суду, прокуратуре, милиции — соответственно 9,1%, 11,7%, 6,2% респондентов. Наблюдается также кризис доверия ко многим институтам гражданского общества. Так, например, профсоюзам доверяют 13,2%; органам

¹ Индекс выражает разницу между долей респондентов, давших позитивный и негативный ответ относительно обеспеченности данной нормы со стороны государства. Значение индекса находится в континууме +100 (абсолютно полно обеспечена) и -100 (абсолютно не обеспечена).

местного самоуправления — 9,5%; политическим партиям и движениям — 5,8%; средствам массовой информации — 10,2%; банковским, предпринимательским структурам — 9,1% респондентов. С точки зрения авторитета действующих в стране общественных структур и институтов власти, который лежит в основе социально-политической консолидации граждан, социальная организация выглядит достаточно архаично для современного общества. Президент РФ и церковь, которым доверяет самое большое число опрошенных москвичей (соответственно 33,5% и 27,8% респондентов) являются, по сути, основными звеньями объединения государства и общества. К тому же уровень доверия к этим институтам со стороны респондентов, как видно из приведённых данных, явно оставляет желать большего.

Системная модернизация государственного управления в настоящее время объективно становится главной общенациональной идеей, способной восстановить утраченное доверие между властью и обществом, дать дальнейший импульс социально-экономическому и социально-политическому развитию России. На повестку дня встают ключевые вопросы российской модернизации: чем конкретно наполнить её содержание, воплощение каких главных, наиболее востребованных для общества социальных ценностей и общественных благ необходимо добиться в ходе её осуществления?

Отвечая на вопрос анкеты: «Если национальная идея необходима, то какие понятия, по Вашему мнению, должны составить основное содержание общенациональной идеи?» — респонденты отдали свои предпочтения либерально-демократическим, патриотическим, державно-государственническим социальным благам и ценностям, которые способны, на их взгляд, консолидировать общество. В их числе:

- права человека — на это указали 48,3% респондентов;
- социальная справедливость — 48,1%;
- патриотизм — 44,2%;
- национальная гордость — 36,4%;
- безопасность — 36,1%;
- общественный порядок — 33,2%;
- державность (возвращение России статуса великой державы) — 31,4%.

В указанном выше контексте важно отметить, что если ещё несколько лет назад среди респондентов можно было достаточно чётко выделить две достаточно представительные группы, одна из которых придерживалась преимущественно либеральных, демократических ориентаций, а другая — государственных, державно-патриоти-

ческих воззрений, то сегодня, как показал опрос, эта граница оказалась существенно размыта. Сегодня произошло своего рода соединение в массовом сознании идей либерализма, сильного государства, социально ответственной власти, развития в интересах российского народа. Можно сказать, что в общественно-политических ценностях опрошенных москвичей, связанных с модернизацией российского государства и общества, произошло образование единого сплава из либеральных и консервативных представлений.

Как свидетельствуют результаты проведённого социологического исследования, наиболее востребованы сегодня, как и сто лет назад, когда развитие России шло в русле мэйнстрима наиболее развитых в социально-политическом и экономическом плане стран, идеи либерализма и сильной власти, социально ответственной перед своим народом. К сожалению, тогда этим социальным чаяниям не удалось осуществиться. История Российского государства пошла по другому пути. «Модернизационный срыв» начала прошлого века в силу определённого отказа от ценностей либерализма и сильного государства привёл к революции, которая нарушила стабильное и эволюционное развитие государства и общества.

История и современность снова пересеклись в точке бифуркации ценностей либерализма и сильного государства. Если удастся преодолеть эту историческую ловушку и совместить воедино эти неразрывные общие социальные блага, которые способны дать небывалый синергетический эффект социальному, экономическому, политическому развитию российского общества, то вероятность успеха модернизации государственного управления будет достаточно высока. В результате успешной модернизации Россия снова займёт достойное место в семье социально и экономически развитых народов, уверенно пойдёт по столбовому пути развития человечества.

Библиография

1. *Ивченко С. Г.* Реформы Столыпина: история и современность. Саратов, 2000.
2. *Ивченко С. Г.* Актуализация проблем реформаторской деятельности П. А. Столыпина // Некоторые проблемы социально-политического развития современного российского общества. Саратов, 2000.
3. *Чичерин Б. Н.* Философия права. СПб., 1998.
4. 8 июня 1906 г.; Государственная Дума; ответ П. А. Столыпина на запрос Государственной Думы о А. П. Щербакe. (http://foxdesign.ru/aphorism/author/a_stolipin3.html)

*ФЁДОРОВ Олег Петрович,
директор ГБУК «Выставочный зал
«Ходынка»», аспирант,
Институт художественного образования
Российской академии образования
fedorovoleg@inbox.ru*

**Адаптационные возможности занятий
в Университете искусств третьего возраста
на базе Выставочного зала «Ходынка» /
Adaptable possibilities of employment
at University of arts of the third age
on the basis of a showroom of «Hodynka»**

Аннотация

В статье рассматриваются основные проблемы пожилых людей, связанные с их выходом на пенсию, основные методы и приёмы обучения студентов, анализируются некоторые результаты экспериментального курса для пожилых людей.

Ключевые слова

Синтез искусств; методика; пожилые люди; кризис; адаптация; обучение; самооценка.

Annotation

In article the main problems of seniors connected with their retirement are considered. The basic methods and receptions of training of students are considered, some results of an experimental course for seniors are analyzed.

Keywords

Synthesis of arts; technique; seniors; crisis; adaptation; training; self-estimation.

В октябре 2010 года в Выставочном зале «Ходынка» начал свою работу Университет искусств третьего возраста по программе, утверждённой Управлением культуры СЗАО г. Москвы и Управлением социальной защиты населения СЗАО г. Москвы. Он является экспериментальной площадкой по межведомственному взаимодействию в области социальной работы с населением.

Импульсом к созданию такого необычного для российской системы дополнительного образования учебного заведения стали данные психологов и социологов о душевном и физическом состоянии пожилых россиян.

Следует заметить, что число пожилых граждан во всём мире в последние десятилетия возрастает, а проблемы старости и старения становятся всё более насущными. Однако старение человека — процесс неизбежный. В возрасте 55–65 лет люди начинают ощущать значительные перемены в своей общественной жизни. Под воздействием этих изменений у большинства пожилых граждан возникают психологические трудности, связанные с адаптацией к новому положению¹.

Нередко пожилые люди оказываются в ситуации «двойного кризиса»: социального, когда человек лишается работы, а значит, и осмысленного участия в жизни общества и ритма жизни, и возрастного, когда у пожилого человека меняется структура его психологического времени: резко уменьшается доля будущего, оно заполняется неопределённостью, что приводит к чувству ненужности. Ситуация усугубляется ещё и тем, что рвутся связи между поколениями в силу объективных исторических, культурных, технических и политических факторов.²

Возрастной кризис — тяжёлое состояние, вызванное переходом в возрастном развитии к качественно новому специфическому этапу.

¹ Козлова Т. З. Самооценка пенсионеров // Социс. — 2003. — № 4. — С. 60.

² Щанина Е. В. Социальная активность пожилых людей в современном российском обществе (региональный аспект): Автореф. дис. на соискание учёной степени канд. соц. наук. — Пенза, 2006. — С. 24.

Человеку свойственно стремиться к стабильности, поэтому внешние или внутренние изменения зачастую воспринимаются как угроза.

Одно из первых изменений в жизни, которое заставляет задумываться о собственном старении, — уход на пенсию. В общественном сознании это, к сожалению, своеобразная веха, якобы знаменующая собой приход старости. Даже само ожидание пенсии может превратиться в навязчивый страх.

Возрастные изменения можно разделить на несколько составляющих:

- социальные изменения: уход на пенсию, ухудшение материального положения, сужение круга общения, потеря друзей и близких;
- физические: снижение двигательной активности, ослабление организма, развитие старых и возникновение новых болезней;
- психологические: чувство ненужности и одиночества, отсутствие стремления развиваться, интереса к миру и жизни других людей, ухудшение приспособляемости.

Именно психологическая составляющая зачастую является определяющей. Процесс физического старения «включается» с того момента, когда человек говорит себе: «Скоро старость». Люди весьма преклонных лет, не ощущая давления возраста, живут полной жизнью, выглядят и чувствуют себя значительно моложе не только сверстников, но иногда и более молодых людей, состарившихся раньше срока.¹

Выход на пенсию изменяет положение и роль людей в обществе, оказывая влияние на развитие мотивационной сферы пожилых людей. С каждым десятилетием происходит корректировка целей, мотивов и потребностей. Человек, перешагнувший 60-летний рубеж и имеющий крепкое здоровье, во многом движим все ещё теми же потребностями, что и ранее. К ним относятся:

- потребность в самореализации, созидании и передаче наследства (духовного и материального) следующему поколению;
- активное участие в социальной жизни;
- ощущение полезности и значимости для общества.

Положительным моментом ухода на пенсию многие пенсионеры считают усиление внутрисемейной деятельности и улучшение самочувствия. Главное ожидание связано с лучшими условиями для от-

¹ Беляева-Чернышова Е. Кризис третьего возраста: психологическая адаптация // Новый пенсионер. — 2010. — 24 мая.

дыха и поддержания здоровья. К негативным изменениям, сопровождающим выход на пенсию, люди относят: ухудшение здоровья, появление материальных затруднений, отсутствие занятий, невозможность приносить пользу людям, обществу, чувство одиночества.¹ Некоторые представления о негативных моментах связаны с семьёй: увеличение нагрузки в домашнем хозяйстве, появление материальной зависимости от родственников, уменьшение авторитета.

Однако зрелость — пора полного расцвета личности, когда человек может реализовать весь свой потенциал, добиться наибольшего успеха во всех сферах жизни. Психологи утверждают, что успехи, творческие достижения способствуют торможению процесса преждевременного старения и даже могут привести к движению в обратном направлении — в сторону психологической молодости. У людей деятельных, творческих сохранение чувства молодости связано с реальной продуктивной работой в настоящем и значительными планами на будущее.

Интересное проведение досуга может принести пожилому человеку чувство удовлетворения, поэтому необходимо представить реальные возможности для разностороннего проявления социальной активности личности как предпосылки рационального образа жизни. Пассивность времяпровождения отрицательно сказывается на психологическом здоровье пожилого человека, приводя к преждевременному старению. Таким образом, существует необходимость:

- а) формировать в общественном мнении представления о пенсионном периоде как об активном этапе жизни;
- б) ориентировать пожилых людей на всесторонний поиск полезных и значимых занятий, соответствующих их индивидуальным склонностям, интересам, способностям.

При этом важно, чтобы пожилой человек имел возможность выбирать вид деятельности в соответствии с внутренними интересами. Если создать безопасный, доверительный климат, в котором личность почувствует себя свободно настолько, что начнёт исследовать свой внутренний психический мир, то в этом случае сам человек и выберет оптимальное направление своего личностного развития. По мере того как раскрепощается творческая энергия, снижается уровень тревожности и уменьшается стресс, мы интегрируем в единое

¹ Шапиро В. Д. Человек на пенсии: социальные проблемы и образ жизни. М, 1992. С. 41.

целое наш интеллект, тело, эмоции и дух; мы усиливаем себя и испытываем чувство радости и надежды.¹ Это существенно облегчает процесс социальной адаптации пожилых людей.

Процесс социальной адаптации личности — это сложнейшее общественное явление, которое включает различные стороны жизнедеятельности человека. Для пожилого человека адаптивные процессы связаны, в первую очередь, с новой для него социальной ролью индивида и нахождением нового места в обществе в соответствии со своим статусом. Социальная реабилитация — самый надёжный путь и условие к успешной социальной адаптации пожилого человека.

Таким образом, изменение социального статуса человека в старости, вызванное прежде всего прекращением или ограничением трудовой деятельности, изменениями ценностных ориентиров, самого образа жизни и общения, возникновением затруднений в социально-бытовой, психологической адаптации к новым условиям, требует разработки особых подходов, форм и методов социальной работы с пожилыми людьми.

В западных странах одним из методов решения таких проблем являются университеты для пожилых — они давно получили широкое распространение. Существующие в России социальные службы и клубы ветеранов сосредоточены в основном на поддержании здоровья пенсионеров, реже на организации их досуга. Университеты для пожилых людей в современной России только начинают свою деятельность. В связи с этим информирование о возможностях возраста, расширение возможностей самореализации пожилых людей становятся делами исключительной социальной важности.

Следует сказать, что адаптация человека к новым условиям жизни с помощью искусства — метод далеко не новый в психологии и медицине и базируется на одном из направлений психотерапии — терапии искусством (музыкальная терапия, драмтерапия, арт-терапия). Например, *арт-терапия* является частной формой терапии творчеством и связана главным образом с визуальными искусствами: живописью, графикой, фотографией, скульптурой, а также их различными комбинациями с другими формами творческой деятель-

¹ Роджерс Н. Творчество как усиление себя // Вопросы психологии. — 1990. — № 10. — С. 166–167.

ности. В свою очередь, пионеры арт-терапии опирались на идею Фрейда о том, что внутреннее «я» человека проявляется в визуальной форме всякий раз, когда он спонтанно рисует и лепит, а также на мысли Юнга о персональных и универсальных символах. При использовании арт-терапии достигаются следующие цели:

- выражение эмоций и чувств, связанных с переживаниями своих проблем, самого себя;
- активный поиск новых форм взаимодействия с миром;
- подтверждение своей индивидуальности, неповторимости и значимости;
- и, как следствие трех предыдущих, — повышение адаптивности в постоянно меняющемся мире.

В 90-х годах XX столетия Н. Роджерс внедрила в практику «Экспрессивную терапию». В её основе также лежит использование различных видов искусств: движения, рисования, живописи, скульптуры, музыки, письма, вокализации и импровизации — в условиях, обеспечивающих поддержку человека, с целью стимулирования его личностного роста, развития и исцеления. Традиционно психотерапия является словесной формой терапии, и речь в ней всегда будет важной составляющей. Однако Н. Роджерс делает ставку на то, что, когда клиент выражает себя с помощью образов, можно быстрее понять его внутренний мир. Цвет, форма и символы — это различные языки, которые говорят из бессознательного и для каждого человека содержат особые смыслы.

Использовать искусство экспрессивно — это значит войти во внутренний мир, чтобы обнаружить находящиеся в нём переживания и затем выразить эти переживания посредством художественных форм, движения, звука, письма или драматизации. «Когда мы используем различные виды искусства для самооздоровления или в терапевтических целях, мы не беспокоимся относительно красоты произведений, грамматической или стилистической правильности текста или гармоничности звучания песни. Мы используем искусство в целях высвобождения, выражения, облегчения. Мы можем также получить интуитивное откровение, инсайт, если обратимся к символическим или метафорическим обращениям, содержащимся в произведениях искусств. Наши произведения обращаются к нам, и мы можем понять эти обращения, если найдём время, чтобы вникнуть и прочувствовать их. Использование в терапевтическом процессе

различных искусств создаёт особый феномен “творческой связи”, заключающийся во взаимоусилении их терапевтических эффектов».¹

Таким образом, искусства используются в качестве невербальных языков, позволяющих выражать элементы внутреннего мира человека, актуализировать его творческий потенциал, активизировать процессы.

Е. П. Белякова разработала свою методику *артсинтезтерапии* на основании того, что информация о бессознательных переживаниях черпается из анализа продукции пациентов — картин, стихов, пьес, театральных этюдов, пластики и т. д. *Артсинтезтерапия* — методика обучения специальным приёмам и навыкам различных видов искусств, с помощью которых пациенты могут выразить свои эмоции и переживания: расширить диапазон эмоционально-образного восприятия и отреагирования различных конфликтных переживаний. К особенностям методики относится использование семи техник, преподаваемых одним специалистом: упражнения в ассоциациях, живопись, стихосложение, театр импровизаций, драматургия, риторика и сценическая пластика. При этом синтез искусств, с его комплексом подходов и средств, позволяет задействовать весь накопленный потенциал человека в единстве его переживаний, поведения, когнитивных, мотиваций благодаря использованию разнообразных форм воздействия на личность пациента. Владение техническими приёмами разных видов искусств сочетается со знаниями психопатологии и подчинено психотерапевтическим целям.

Рассмотрим подробнее, как данные методики применяются в Университете искусств третьего возраста.

Программа обучения предусматривает ознакомление студентов, чей возраст варьируется от 55 до 85 лет, с теорией и практикой каждого изучаемого в Университете вида искусств (литература, изобразительное искусство, сценическое искусство, фотография, ритмика, музыка).

Приобретению практических навыков на занятиях уделяется больше времени, чем теории, поскольку это значительно увеличивает

¹ Роджерс Н. Путь к целостности: человеко-центрированная терапия на основе экспрессивных искусств // Вопросы психологии. — 1995. — № 1. — С. 134.

скорость освоения материала, и здесь теория и практика взаимно усиливают друг друга.

На занятиях по литературе студентам преподают основы стихосложения, законы создания прозы и драматических произведений. Интересно, что уже после нескольких занятий слушатели Университета начали сочинять: писать стихи, рассказы, эссе, воспоминания.

На занятиях по изобразительному искусству студенты знакомятся с основами различных изобразительных техник, с материалами, инструментами. Практика занятий предусматривает как индивидуальную, так и совместную деятельность (коллективные работы, хоровое пение, участие в спектаклях) учащихся для развития их коммуникативных навыков.

Искусство театра — оптимальная форма сотворчества и сотрудничества студентов, способствующая реализации их творческого потенциала. Одной из практических задач театральных занятий в условиях Университета является преодоление психологического и физического «зажимов» при выходе на сцену перед аудиторией. Для этих целей используются упражнения из системы Станиславского на развитие взаимодействия, помогающие снять у людей стеснительность, страх, неуверенность. Был создан кукольный театр, как самый доступный для пожилых людей способ почувствовать игровую природу театрального искусства. В подготовке отчётного спектакля участвовали все студенты, а также преподаватели всех изучаемых предметов, так как синтетическая основа театра предполагает естественное взаимодействие всех искусств.

Каждое занятие заканчивается хоровым пением под аккомпанемент гитары, баяна и рояля (в зависимости от специализации проводившего занятия концертмейстера).

Занятия, проводимые один раз в неделю, не эффективны без домашней работы. По всем темам даются домашние задания всей группе.

Темп и форма проведения занятий ориентируют студентов на быстрое переключение с одного вида деятельности на другой. Каждое занятие продолжается 25–35 минут и без перерыва переходит в следующий урок, чередуя физические виды деятельности с интеллектуальными. Как показала практика, такая форма занятий, создавая положительный психофизический фон, даёт возможность каждому участнику педагогического процесса, как студенту, так и

преподавателю, проявить себя в том или ином виде творчества, раскрепощает и не переутомляет студентов.

Пожалуй, именно пожилые люди являются самыми благодарными учениками, однако работа с ними требует особой корректности в силу некоторых изменений, происходящих в их эмоциональной сфере: это неконтролируемое усиление аффективных реакций (сильное нервное возбуждение) со склонностью к беспричинной грусти, слезливости. У большинства зрелых людей появляется тенденция к эксцентричности, уменьшению чуткости, погружению в себя и снижению способности справляться со сложными ситуациями.

Эффективность результатов на занятиях с пожилыми людьми во многом зависит от навыков преподавательского состава. В данном случае педагогов правильнее называть *фасилитаторами*¹, так как их основная цель — не руководить деятельностью группы, а поддерживать студентов, чтобы они смогли выполнить стоящую перед ними задачу.

Искренность и личная заинтересованность сотрудников Университета, которые создают атмосферу дружелюбия, помогают построить психологический климат, необходимый для творчества². Именно поэтому педагогический коллектив, который в основном состоит также из пенсионеров, имеющих соответствующее преподаваемому предмету образование и опыт работы, не просто присутствует на каждом занятии в полном составе, но и наравне со всеми выполняет задания своих коллег, что способствует сплочению студентов и преподавателей, созданию дружеской атмосферы и, в конечном итоге, лучшему усвоению учебного материала.

Занятия первого семестра завершаются *художественным событием* — своеобразным отчётом студентов и преподавателей: выставкой индивидуальных и коллективных живописных работ, фото-портретов студентов, концертом стихов и прозы студентов, кукольным спектаклем. В завершение звучат песни в хоровом исполнении студентов и преподавателей. Педагогический коллектив (ру-

¹ *Фасилитатор* — человек, который организует, направляет, стимулирует и оптимизирует процесс поиска информации, её обработки и решения на её основе поставленной перед группой задачи.

² Роджерс Н. Творчество как усиление себя // Вопросы психологии. — 1990. — № 10. — С. 167.

ководитель, преподаватели, психолог и концертмейстер) регулярно подводят итоги предыдущего и уточняют программу и план следующего занятия. Второй семестр отличается от первого более сложной программой, т. к. добавляются новые предметы: основы компьютерного дизайна и хореография, основы музыкальной композиции и декоративно-прикладное искусство.

Перед первым занятием и после окончания первого семестра проводилось тестирование на предмет выявления индивидуальных особенностей психоэмоционального состояния студентов. Тесты показали его улучшение у 87% опрашиваемых. Студенты стали увереннее в своих силах и возможностях, раскрепощеннее, добрее к окружающим, менее эгоистичными и более активными в общении. Они постепенно перестают тяготиться одиночеством, у них значительно повысился жизненный тонус, улучшилось мировосприятие, поднялась самооценка. На благоприятном психологическом фоне легче стали переноситься и физические недомогания.

Доказательное сообщение — что творчество продлевает молодость — создаёт положительный фон, который позволяет развивать новые направления деятельности Университета, особенно связанные с взаимодействием искусств. Создаются неформальные группы по интересам, т. е. механизм социальной адаптации, запущенный в Университете искусств третьего возраста, успешно работает и вне его стен. Вполне очевидно, что занятия в Университете способствуют смягчению стресса от выхода на пенсию.

Методика работы Университета третьего возраста имеет свои коренные отличия от артсинтезтерапии и «Экспрессивной терапии». Так, программа Университета построена на принципе увеличения интенсивности, а также концентрации предметов в единицу времени, огромную роль играет также чёткая последовательность в изучении искусств в категориях пространства и времени: сначала осваиваются временные, потом пространственные и в конце пространственно-временные искусства.

Соблюдается строгая последовательность творческого становления. Первый этап — **пробуждение**, накопление эмоционального и интеллектуального опыта как основы творчества. Второй этап — **подражание**, освоение технологий средств и способов творческой деятельности. Третий этап — **импликация** (связи), перенос, применение освоенных приёмов, поиск новых связей и отношений, импульс

к развитию позиции творца¹. Эту систему можно назвать *интенсарт-терапией*. Основополагающей в данной методике является интенсивная «работа всех искусств на один результат». Под *результатом* следует понимать:

- умение ценить и понимать прекрасное в природе;
- умение пользоваться плодами культурного развития человечества;
- умение посильно участвовать в процессах поддержания и обновления общественной культуры;
- совершенствование своей личности путём художественного общения и собственного художественного творчества в различных видах искусства, участия в художественной и общественной жизни района, округа и города.²

Над разработкой каждого занятия работает не один педагог, а команда профессионалов в каждом виде искусств, которая, как уже упоминалось выше, присутствует на всех занятиях. При этом принцип «Учитель учит ученика» заменён на «Друг помогает другу».

Итак, старость — не болезнь, и не стоит думать, будто ей достаточно ухода и лечения. Пожилому человеку нужна психологическая и социальная помощь — это важная задача общества. Возраст — не социальная роль, а часто экзистенциальный кризис. Каждый такой кризис человеку нужно помочь по-новому осмыслить и пережить.

В любом случае новый этап жизни необходимо осознать и принять, желательно заблаговременно, тогда впоследствии будет гораздо легче адаптироваться к новым условиям. Если человек перестаёт тренировать свой мозг, останавливается в развитии, то с возрастом мыслительные процессы постепенно замедляются, и воспринимать новые идеи, приспосабливаться к новым условиям становится всё труднее. Поэтому первой задачей является забота о дальнейшем самосовершенствовании.

Таким образом, пенсионный возраст парадоксальным образом становится возрастом освоения новых возможностей: можно заняться творчеством, вернуться на студенческую скамью — прожить ещё

¹ Барышева Т. А., Жигалов Ю. А. Психолого-педагогические основы развития креативности. СПб.: СПГУТД, 2006. С. 182.

² Юсов Б. П. Взаимосвязь культурогенных факторов в формировании современного художественного мышления учителя образовательной области «Искусство». М., 2004. С. 63.

одну жизнь. Именно над проблемой расширения как личностной, так и общественной жизни пожилых людей работают социальные службы (центры социального обслуживания и т. п.) и культурно-досуговые центры (дома культуры, клубы, библиотеки, выставочные залы и т. п.), на базе которых могут успешно функционировать Университеты искусств третьего возраста. Такая форма работы со старшими возрастными группами нам видится оптимальной. Сегодня подобные Университеты искусств могут стать наряду с Университетами третьего возраста на базе центров социального обслуживания основными организациями, занимающимися вопросами адаптации пожилых людей к непростым условиям жизни в современном мире.

Библиография

1. Барышева Т. А., Жигалов Ю. А. Психолого-педагогические основы развития креативности. СПб., 2006.
2. Беляева-Чернышова Е. Кризис третьего возраста: психологическая адаптация // Новый пенсионер. — 2010. — 24 мая.
3. Козлова Т. З. Самооценка пенсионеров // Социс. — 2003. — № 4.
4. Роджерс Н. Путь к целостности: человеко-центрированная терапия на основе экспрессивных искусств // Вопросы психологии. — 1995. — № 1.
5. Роджерс Н. Творчество как усиление себя // Вопросы психологии. — 1990. — № 10.
6. Шапиро В. Д. Человек на пенсии: социальные проблемы и образ жизни. М, 1992.
7. Щанина Е. В. Социальная активность пожилых людей в современном российском обществе (региональный аспект): Автореф. дис. на соискание учёной степени канд. соц. наук. Пенза, 2006.
8. Юсов Б. П. Взаимосвязь культурогенных факторов в формировании современного художественного мышления учителя образовательной области «Искусство» М., 2004.

ИССЛЕДОВАНИЯ МИСКП

*ЛЮТОВА Нина Константиновна,
аспирант кафедры философии и
социологии, МГГУ им. М. А. Шолохова,
старший научный сотрудник
Аналитического центра социально-
культурных проблем и культурной политики,
Московский институт социально-культурных
программ*
lutovanina@mail.ru

Современное состояние и тенденции развития учреждений культуры города Москвы / The modern condition and tendencies of development of Moscow cultural institutions

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу современного состояния и тенденций развития культурно-досуговой сферы московского мегаполиса в целом и учреждений культуры в частности за последнее десятилетие, а также изучению динамики досуговых предпочтений жителей города, характера этих предпочтений и основных мотивов выбора того или иного вида культурной деятельности. При написании статьи были использованы данные социологических мониторингов, проводимых Московским институтом социально-культурных программ.

Ключевые слова

Социально-культурная сфера; учреждения культуры; досуг; городская культура.

Annotation

The article is devoted to analysis of modern condition of development of cultural sphere of Moscow and its tendencies during the past ten years. The study of dynamics of citizens' leisure preferences, the character of these preferences and the main motives of the choosing the type of leisure activity are also highlighted. The article presents the data of sociological monitoring conducted by the Moscow institute of social-cultural programs.

Keywords

Social-cultural sphere; cultural institutions; leisure; urban culture.

Весьма непростой исторический период, переживаемый нашей страной, делает необходимым новое осмысление социально-культурных процессов, характерных для мировой и отечественной практик. Процессы коренных социально-экономических преобразований, изменений системы нравственных ценностей сделали необходимым возвращение к вечным ценностям, самореализации творческих потенций личности.

В целом за последнее десятилетие культурно-досуговая сфера значительно расширила свои границы. В частности, существенно возросло число досуговых учреждений в Москве. Это обусловлено в основном появлением негосударственных, частных или общественных учреждений культуры и досуга, мест свободного времяпрепровождения. На этом фоне значительно сократилось число ведомственных, профсоюзных клубов и домов культуры, музыкальных школ, библиотек и других досуговых учреждений.

Особую, многочисленную и постоянно растущую, развивающуюся группу учреждений культуры составили различные развлекательные центры, ориентированные на различные возрастные и социальные слои населения, разнообразный уровень достатка — от самого низкого до сверхвысокого. На сегодняшний день можно говорить о реально сформировавшейся в столице негосударственной индустрии досуга, где государственные учреждения культуры занимают лишь определённый, достаточно небольшой и по финансовым потокам, и по охвату населения сегмент.

Чтобы выявить проблемы учреждений культуры, социологи обратились за оценкой состояния их работы к специалистам в этой сфе-

ре деятельности — непосредственно к работникам сферы досуга и культурного развития жителей мегаполиса. В результате опроса 47% респондентов сочли работу удовлетворительной, 37% — плохой, 12% — хорошей, 3% — затруднились ответить. Почти каждый третий из опрошенных (37%) недоволен собственной работой и работой своих подчинённых¹.

К сожалению, условия для обеспечения полноценного досуга в московских учреждениях культуры сегодня весьма далеки от оптимальных. В процессе перестройки учреждений культуры стало меньше, они утратили свою демократичность, доступность, прежде бесплатные услуги стали платными и иногда очень дорогими. Произошло социальное расслоение общества, при котором большинство людей обеднело не только материально, но и духовно.

Хотелось бы затронуть проблему современного состояния культурно-досуговых учреждений и поговорить о некоторых основных типах учреждений культуры московского мегаполиса.

Театральный мир Москвы не только многообразен и многочислен (68 театров), но и многослоен. Структура театров столицы складывается из государственных, общественных, частных и театров-студий. Следует отметить, что основная масса театральных учреждений находится в центре Москвы.

Однако наблюдается тенденция сокращения доступности театров не только для малообеспеченных слоёв населения, но и для среднего класса: для многих жителей столицы цены на билеты слишком высоки, особенно при посещении театра всей семьёй. Такая ситуация ведёт к качественному изменению состава сегодняшней театральной аудитории в столице. Посещение спектакля мастеров сцены во многом становится символом престижа, некой элитарности.

По результатам недавнего социологического опроса москвичей за последние 5–10 лет большинство из них (49%) стали посещать театры реже, 30% — посещают так же, как и раньше, и 21% — чаще. В качестве причин более частого посещения театров были названы следующие (см. диаграмму 1).

Как известно, за последнее время принимаются меры по увеличению доступности театров для социально незащищённых слоёв

¹ Социологическое исследование «Инновационные процессы в культурно-досуговой деятельности», МИСКП, 2010 г.

населения. Это дало положительные результаты. Только за 2009 год театры города бесплатно посетило 205,5 тыс. учащихся.¹

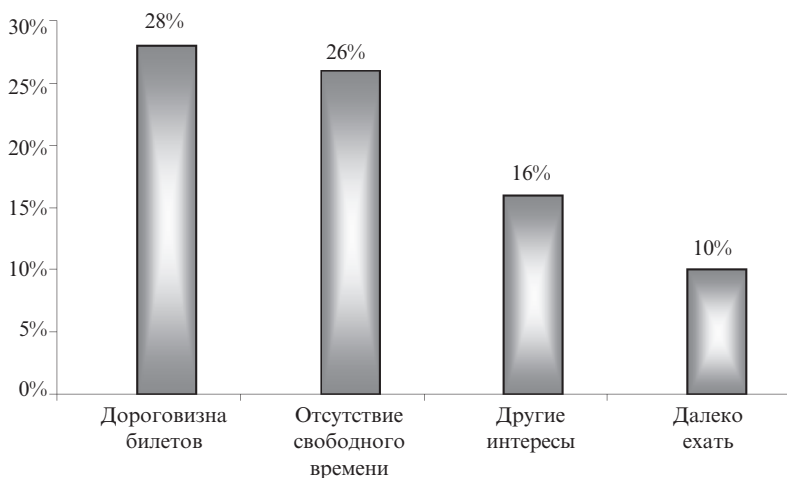
Диаграмма 1



Однако исследование доказывает, что большинство опрошенных москвичей последние 5–10 лет стали реже посещать театры. Рейтинг наиболее распространённых причин, мешающих жителям московского мегаполиса приобщаться к театральному искусству, представлен на диаграмме № 2.

Коммерциализация деятельности театров выражается во многих факторах, в частности в стремлении угодить низкопробным вкусам аудитории. Стоит ли зрителю тратить средства и время, чтобы увидеть всё то, чем изобилует телевидение, киноафиша, бульварная литература? Возможно, поэтому в ответах участников опроса о причинах отказа от посещения театров на третьем месте (16% ответов) стоит мнение «Другие интересы», т. е. неинтересно смотреть то, что мы видим в реальной жизни каждый день.

¹ Из материалов доклада Департамента культуры города Москвы «Об итогах работы организаций и учреждений культуры в 2009 году и задачах на 2010 год» и итогового аналитического материала по работе Управлений культуры административных округов.



Знакомить подрастающее поколение с театральной средой следует с раннего возраста, поскольку в будущем это научит его выбирать из предлагаемого театрального репертуара подлинные произведения искусства, культуры, сохранять и развивать традиции отечественного театра.

Кинотеатры. В связи с широким распространением телевизоров, видеомэгафонов, компьютеров (с возможностями выхода в Интернет), разнообразных компьютерных игр потребление продуктов культуры всё более «одомашнивается».

Состояние отечественного кинематографа сегодня ещё не позволяет занять достойное место на отечественном экране. Однако за последнее время (примерно 4–5 лет) российское кинопроизводство и кинопрокат переживают период подъёма (см. табл.).

Как видим, в большинстве своём жители мегаполиса не утратили любви и тяги к кинематографу.

Причём данные исследования показывают, что молодое поколение (впрочем, как и старшее), хотя и смотрит пустые, бездумные иностранные и отечественные фильмы-«однодневки» (боевики, детективы, мелодрамы, дешёвую фантастику и «мыльные оперы»), но по-настоящему ценит и любит подлинно художественные фильмы, киноклассику. А решающими факторами в решении пойти в кино яв-

ляются наличие свободного времени, стоимость билетов, репертуарное предложение.

Таблица

Отношение жителей мегаполиса к современному кинематографу¹
(в % от числа опрошенных)

| Любите ли Вы кино? | % |
|---------------------------|----------|
| — Конечно, да. | 56 |
| — Смотря какое кино. | 24 |
| — Нет, я не люблю кино. | 8 |
| — Затрудняюсь ответить. | 12 |

| Любите ли Вы посещать кинотеатры? | % |
|--|----------|
| — Да. | 36 |
| — Нет. | 20 |
| — Я предпочитаю посещать кинозал. | 35 |
| — Мне нравится смотреть видео дома. | 42 |
| — Затрудняюсь ответить. | 23 |

Примечание. Сумма цифр более 100%, так как можно было отметить более одного ответа.

Музеи и выставочные залы. Согласно данным статистики количество музейных учреждений в России выросло. Это следует признать серьёзным успехом нынешнего российского общества и наметившимися внутри него тенденциями культурной политики будущего. Расширяются и пополняются музейные фонды. Возрастает интерес посетителей к этому направлению культурного досуга. Об этом, в частности, свидетельствуют данные, полученные в ходе социологических опросов москвичей. Самыми популярными музеями называются художественные (37%) и исторические (36%). На втором месте — отраслевые (23%), которые пользуются особой популярностью у студентов, на третьем — дома-музеи выдающихся

¹ Здесь и далее: данные исследования «Удовлетворённость и запросы молодёжи в области культуры и досуга» // Исследования ИСПИ РАН и Московского института социально-культурных программ Департамента культуры города Москвы; данные Мосгоркомстата, Роскомстата, Московского института социально-культурных программ.

личностей (18%), музеи частных коллекций (13%), музыкальной культуры и декоративно-прикладного искусства, краеведческие.

Анализ досуговой деятельности москвичей показал, что только 15% из них время от времени посещают музейные и выставочные учреждения. Причём наиболее активными являются люди в возрасте 30–50 лет, а вот дети, подростки, студенты, учащиеся и работающая молодёжь до 25 лет особого интереса к художественным экспозициям не проявляют.

Дворцы культуры и клубы Москвы всегда являлись основными центрами культурно-досуговой и просветительской работы с самыми широкими слоями населения столицы, демократическими, доступными и массовыми. Ведь клубное учреждение, как известно, обладает уникальными возможностями для межличностного общения людей, организации культурного досуга.

Современная клубная отрасль Москвы представляет собой совокупность объектов культуры, различающихся по статусу, функциональным характеристикам, способам финансирования и экономической деятельности. Она включает государственные, или, как их часто называют, муниципальные клубные учреждения — клубы, дома и дворцы культуры, принадлежащие различным ведомствам и предприятиям, а также постепенно расширяющуюся сеть различных формирований, связанных с разработкой новых моделей освоения и распространения культурных ценностей, в том числе частных, коммерческих, общественных формирований клубного типа.

Конечно, кризисные явления в социально-политической, экономической и культурной жизни общества отразились на деятельности клубов и на культурной активности москвичей. Об этом можно судить не только по низкой посещаемости клубов, но также театров, филармоний, выставочных залов и т. п. — 90% москвичей вынуждены проводить свой досуг дома. Во многих муниципальных районах 70–80% детей и подростков проводят свой досуг вне организованной культурно-досуговой среды, и ситуация продолжает осложняться.

Параллельно с организацией социологического исследования был проведён анализ работы клубных учреждений, позволивший получить некоторые интересные, на наш взгляд, результаты. На диаграмме 3 показано, чем именно недовольны посетители и что им хотелось бы изменить в современных учреждениях культуры.

Диаграмма 3

«Что Вас больше всего не устраивает в работе клубов?»



Самым раздражающим фактором для москвичей является присутствие невоспитанной, грубой, неприятной публики (14,0%). Многих не устраивают высокие клубные расценки. Отметим, что «они мне не по карману» 13,4% опрошенных. Формальное отношение работников клубов, недостаток внимания к посетителям задевает в основном 14–39-летних.

Культурно-просветительской работе клубов, парков, выставочных залов, музыкальных школ, библиотек и театров принадлежит существенная роль в активизации творческого фактора, приобщения как можно большего числа людей к любительскому искусству, в выявлении народных талантов. Несмотря на трудности, культурная жизнь продолжается. В московских клубах, домах и дворцах культуры, центрах досуга и эстетического воспитания, школах искусств сегодня занимаются москвичи — представители самых различных профессий, разного возраста и уровня образования. Роль клубов трудно переоценить.

В учреждениях культуры реализуются самые разнообразные интересы и запросы населения — культурно-досуговые, художественно-творческие, физкультурно-оздоровительные. В настоящее время в культурно-досуговых учреждениях государственной системы работают свыше 350 клубов по интересам и любительских объединений самых различных направлений. В государственных учреждениях культуры работают сотни творческих коллективов.

В условиях слабости государства, правоохранительных органов, средней и высшей школы, отсутствия в обществе массовых молодёжных структур ещё больше возрастает важность реализации образовательной, просветительской, воспитательной функции культурно-досуговых учреждений в частности и культурно-досуговой сферы в целом.

Библиография

1. Арнольдов А. И. Культура и горизонты XXI века // Вестник МГУКИ. — 2003. — № 1. — С. 9–18.
2. Данные социологического исследования «Инновационные процессы в культурно-досуговой деятельности». МИСКП, 2010.
3. Киселёва Т. Г. Социально-культурная деятельность: основные тенденции развития / Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников, Ю. А. Стрельцов // Актуальные проблемы социально-культурной деятельности. М. : МГУК, 1995.
4. Материалы конференции «Культура — московской семье в условиях демократического общества», 2009 г.
5. Отчёты о работе Управлений культуры административных округов города Москвы за 2008, 2009, 2010 гг. М., МИСКП.

АРХИВ МИСКП

Редакция журнала предлагает вниманию читателей новую рубрику «Архив МИСКП»¹.

В этой рубрике будут публиковаться материалы исследований Московского института социально-культурных программ (МИСКП) прошлых лет, которые носят раритетный характер, но не потеряли по своему содержанию и практическим выводам актуальности и значения.

Приступая к публикации таких материалов, мы надеемся сохранить научную преемственность в исследованиях культуры и представить научным и практическим работникам возможности для осмысления социокультурных проблем прошлого на современном теоретико-методологическом уровне социологии культуры.

Общественное мнение москвичей о практике регулирования миграционных процессов в столице

Научный руководитель:

член-корр. РАН Иванов В. Н.

Ответственные исполнители:

к.ф.н. Ладодо И. В.,

к.ф.н. Яковлев С. Д.,

к.ф.-м.н. Козина А. В.

Проведённый по поручению Правительства Москвы в первой декаде апреля 2001 года очередной социологический опрос был посвящён определению представлений и оценок москвичей относительно влияния миграционных потоков на общую ситуацию в городе, выяснению степени её воздействия на изменение национального состава жителей столицы, на ситуацию на рынке труда, на кримино-

¹ Материалы рубрики публикуются без изменений. Редакция журнала за содержание и стиль изложения данного материала ответственности не несёт.

генную ситуацию и прочее. Ряд вопросов был посвящён оценкам деятельности московского правительства и правоохранительных органов по решению возникающих в связи с миграционными потоками проблем.

Актуальность исследуемой проблемы определялась в первую очередь тем, что Москва, принявшая на себя 6,3% мигрантов, прибывших из-за пределов Российской Федерации, относится к регионам сосредоточения беженцев и переселенцев; регионам, в которых наиболее остро проявляются, в частности, кризисные ситуации и сложные проблемы в области межнациональных отношений.

Согласно данным Микрорепериси-94 лишь 65,8% опрошенных родились в Москве. Значительная часть населения столицы не относится к коренным горожанам. По официальным данным городской миграционной службы, в Москве в настоящее время трудятся около 70 тыс. иностранцев из 11 стран. Наибольшее число иностранцев приезжают в Москву из Украины, Грузии, Молдавии, Турции, республик бывшей Югославии.

Из всех жителей Москвы, не являющихся коренными москвичами, 0,6% приехали в Москву из-за обострения «межнациональных отношений». 99,7% сменивших по этой причине место жительства проживают в Москве не более 5 лет, в том числе 67,6% — менее 2 лет. Это свидетельствует о том, что миграция по этой причине, как и возникающие в связи с ней проблемы, продолжает нарастать во времени.

Этнический срез миграционных потоков выглядит следующим образом: с территории Украины в Москву приезжают в основном украинцы (49% всех приехавших), русские (38,6%) и евреи (9,3%). Из Республики Беларусь едут в Москву белорусы (50,2%), русские (36,6%) и евреи (5%). Из Республик Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Латвийской, Литовской, Эстонской, Туркменистан едут в основном русские (58,2%, 74,5%, 69,2%, 67,6%, 64,4%, 80,2%, 68,9% всех приехавших соответственно из каждой страны). Если речь идёт о Закавказье, то мигранты из Республики Грузия в 40,0% случаев являются грузинами, 27% — русскими, 16,9% — армянами. Прибывшие в Москву из Республики Азербайджан — в основном азербайджанцы (33,5%), русские (30,9%) и армяне (26,6%). Из Республики Армения в столицу мигрируют чаще всего армяне (82,9%) и русские (10,7%)¹.

¹ Микрореперись-94. Социально-демографические изменения в населении Москвы // Пульс. — 1995. — № 18 (66).

Официальная статистика беспристрастно свидетельствует: представительство в Москве народов Северного Кавказа и Закавказья сейчас в 20 раз больше по сравнению с 1955 г. И это официальная статистика не учитывает стихийные потоки беженцев последних лет, многие из которых никак не дали о себе знать в официальных бумагах, нелегально (или полунелегально) проживающих в городе людей (см. табл. 1).

Таблица 1

Национальный состав учтённых мигрантов (Москва)

| Национальности | Прибыло | Выбыло | Миграционный прирост |
|----------------|---------|---------|----------------------|
| 1980 | | | |
| Всего: | 185 871 | 100 445 | +85 426 |
| в т. ч.: | | | |
| армяне | 2078 | 915 | +1163 |
| грузины | 1276 | 704 | +572 |
| азербайджанцы | 1193 | 709 | +484 |
| 1988 | | | |
| Всего: | 154 145 | 97 518 | +56 627 |
| в т. ч.: | | | |
| армяне | 2167 | 1048 | +1119 |
| грузины | 1921 | 985 | +936 |
| азербайджанцы | 334 | 925 | +409 |
| 1998 | | | |
| Всего: | 101 013 | 65 362 | +35 651 |
| в т. ч.: | | | |
| армяне | 4653 | 884 | +3769 |
| грузины | 1678 | 433 | +1245 |
| азербайджанцы | 1549 | 466 | +1083 |

Сравнение результатов переписей позволяет утверждать, что миграция в определённой мере изменяет удельный вес этнических групп населения города, что не может не сказаться на самочувствии коренных москвичей.

Актуальность проблемы определялась, как показали результаты проведённого опроса, состоянием массового сознания жителей Москвы и убеждённой абсолютного большинства опрошенных в том, что мигранты заметно влияют на жизнь москвичей (см. табл. 2).

Влияют ли мигранты на жизнь москвичей?

(в % от опрошенных)

| | Общее по массиву | Длительность срока проживания в Москве | | | | |
|---------------------------|---------------------|--|----------|-----------|-----------------|---------------------|
| | | Менее 5 лет | 5–10 лет | 10–20 лет | Более 20 лет | Родился в Москве |
| — да | 86 | 65 | 71 | 91 | 81 | 89 |
| — нет | 5 | 6 | 14 | – | 9 | 4 |
| — затрудняюсь ответить | 9 | 29 | 14 | 9 | 9 | 7 |

Интересно отметить при этом, что степень «чувствительности» по отношению к мигрантам возрастает, как оказалось, с увеличением длительности срока проживания опрошенных в Москве. Если в группе опрошенных, проживших в Москве менее пяти лет, отмечали влияние миграционных потоков на жизнь города 65% опрошенных, то в группе респондентов, чья жизнь связана с городом более 10 лет (10–20 лет, более 20 лет и родившихся в Москве), эта доля составляет уже более 80%.

По мнению москвичей, влияние миграции сказывается прежде всего в изменении «национального» лица города (см. табл. 3).

Таблица 3

Меняют ли миграционные потоки «национальное» лицо Москвы?

(в % от числа опрошенных)

| | Среднее по массиву | Возраст | | | Образование | | |
|---------------------------|-----------------------|--------------|--------------|--------------|---------------------|---------|--------|
| | | До 20 лет | 31–50 лет | 51–60 лет | Неполное среднее | Среднее | Высшее |
| — да | 79 | 81 | 80 | 82 | 68 | 76 | 83 |
| — нет | 7 | 8 | 7 | 8 | – | 7 | 7 |
| — затрудняюсь ответить | 14 | 11 | 13 | 10 | 32 | 15 | 11 |

В этом убеждены 79% опрошенных по массиву. Как видно из данных, приведённых в таблице, возраст респондентов здесь определяющим фактором не является; что же касается образования респондентов, то убеждённость во влиянии миграционных потоков на национальный состав населения в городе увеличивается с ростом образовательного уровня. Отмечают это влияние 65% респондентов в группе лиц с неполным средним и 83% в группе респондентов с высшим образованием.

Влияние миграции на «качество» жизни города и москвичей, по мнению опрошенных, разнопланово (см. табл. 4).

Таблица 4

В чём выражается влияние мигрантов на жизнь москвичей?

(в % от числа опрошенных)

| | Общее по массиву | Возраст | | | Образование | | |
|---|---------------------|--------------|--------------|--------------|---------------------|---------|--------|
| | | До 20 лет | 31–50 лет | 51–60 лет | Неполное среднее | Среднее | Высшее |
| — безопасность москвичей и порядок в городе | 79 | 81 | 82 | 76 | 95 | 78 | 80 |
| — возможность трудоустройства | 53 | 47 | 53 | 52 | 53 | 54 | 52 |
| — возможность социальной поддержки | 43 | 41 | 42 | 44 | 32 | 48 | 43 |
| — нормы культуры и общежития | 65 | 71 | 60 | 68 | 68 | 56 | 69 |

По частоте упоминания в ответах респондентов более всего мигранты влияют на безопасность москвичей и порядок в городе — в этом убеждены 79% общего числа опрошенных; влияние миграции сказывается на нормах московской культуры и общежития — 65% опрошенных по массиву; более половины опрошенных москвичей (53%) убеждены, что мигранты обостряют ситуацию на рынке труда,

осложняя возможности трудоустройства; более двух пятых респондентов (43% по массиву) считают, что, ложась тяжким грузом на московскую казну, мигранты уменьшают возможности московского правительства по оказанию социальной поддержки москвичам.

Значимая доля москвичей (до 20% по массиву) выражала свою озабоченность «захватом» приезжими рынков Москвы. Монополизация торговли на них приведёт к необоснованному росту цен и, как следствие, ложится тяжёлым бременем на плечи горожан.

Убеждённость абсолютного большинства респондентов в негативном влиянии миграционных потоков на ситуацию в городе, несомненно, влияет на характер отношения к мигрантам, порождает социальную напряжённость, выражающуюся, между прочим, в более высокой, чем в других регионах Российской Федерации стабильной межнациональной напряжённости (см. табл. 5).

Таблица 5

**Динамика оценок межнациональных отношений
в Москве в 1992–2001 гг.**
(в % от числа опрошенных)

| | 1992 | 1993 | 1994 | 1995 | 1999 | 2001 |
|--|------|------|------|------|------|------|
| — межнациональные отношения стабильны | 32 | 19 | 21 | 14 | 17 | 15 |
| — имеется определённая межнациональная напряжённость | 34 | 46 | 49 | 51 | 59 | 48 |
| — налицо сильная межнациональная напряжённость, возможны конфликты | 17 | 22 | 17 | 17 | 13 | 25 |
| — затрудняюсь ответить | 17 | 13 | 13 | 17 | 11 | 11 |

Данные апрельского опроса показали, что при практическом сохранении с 1995 года доли опрошенных, убеждённых в стабильности межнациональных отношений в городе, в 2001 году почти вдвое — с 13 до 25% возросла доля респондентов, характеризующих эти отношения как очень напряжённые, чреватые конфликтами.

Опыт «укоренения» мигрантов в Москве показывает, что большинство из них, как правило, заняты в таких «непривлекательных» для коренных москвичей сферах, как строительство (48%), транспорт (21%), торговля (16%). Тем не менее значимая доля респондентов относится к трудовой миграции отрицательно. Особенно это относится к мигрантам из ближнего и дальнего зарубежья (см. табл. 6).

Таблица 6

Отношение к трудовой миграции

(в % от числа опрошенных)

| | Положительно | Положительно, но в небольшом объеме | Отрицательно | Затрудняюсь ответить |
|--|--------------|-------------------------------------|--------------|----------------------|
| — миграция в Москву россиян | 23 | 39 | 27 | 13 |
| — миграция из государств в составе СНГ | 8 | 25 | 55 | 14 |
| — миграция из дальнего зарубежья | 11 | 27 | 44 | 19 |

Так, 27% опрошенных отрицательно относятся к миграции в Москву россиян, 55% — к миграции из государств — членов СНГ, 44% респондентов — к миграции из дальнего зарубежья.

Положительно относятся к ней соответственно 23, 8 и 11% опрошенных; а ещё — соответственно 39, 25 и 27% опрошенных — полагают возможным миграцию «в небольших объемах».

Как и в отношении миграции в целом, отношение к трудовой миграции в значимой мере опосредуется сроком проживания в Москве (см. табл. 7).

Решение проблем Москвы и её жителей, вызванных миграцией, является, по мнению москвичей, совместным делом Правительства России и Правительства Москвы (см. табл. 8).

Отрицательно относятся к трудовой миграции

(в % от числа опрошенных)

| | Общее по массиву | Длительность срока проживания в Москве | | | | Родился в Москве |
|---------------------------------------|------------------|--|----------|-----------|--------------|------------------|
| | | Менее 5 лет | 5–10 лет | 10–20 лет | Более 20 лет | |
| — миграция россиян | 27 | 12 | 21 | 23 | 30 | 27 |
| — миграция из республик в составе СНГ | 55 | 35 | 57 | 44 | 62 | 52 |
| — миграция из дальнего зарубежья | 44 | 47 | 50 | 35 | 46 | 43 |

Таблица 8

Кто должен решать проблемы миграции?

(в % от числа опрошенных)

| | Среднее по массиву | Возраст | | | Образование | | |
|---|--------------------|-----------|-----------|-----------|------------------|---------|--------|
| | | До 20 лет | 31–50 лет | 51–60 лет | Неполное среднее | Среднее | Высшее |
| — Правительство России | 18 | 26 | 15 | 13 | 11 | 13 | 21 |
| — это совместное дело Правительства России и Правительства Москвы | 47 | 43 | 49 | 53 | 53 | 46 | 48 |
| — Правительство Москвы | 24 | 15 | 25 | 28 | 26 | 29 | 22 |
| — затрудняюсь ответить | 11 | 16 | 11 | 6 | 11 | 12 | 9 |

Каждый пятый респондент (18%) полагает, что это дело Правительства России, а каждый четвёртый (24% по массиву) — обязанность Правительства Москвы.

Условием решения проблем миграции респонденты полагают прежде всего наличие чёткого представления о специфике миграционных потоков, обрушившихся на Москву, об их количественных и качественных характеристиках.

Отсюда абсолютное большинство респондентов (80% по массиву) считают необходимым организацию чёткого и действенного контроля, учёта въезжающих в Москву (см. табл. 9).

Таблица 9

Необходим ли учёт въезжающих в Москву?

(в % от числа опрошенных)

| | Общее по массиву | Возраст | | | Образование | | |
|---------------------------|---------------------|--------------|--------------|--------------|---------------------|---------|--------|
| | | До 20 лет | 31–50 лет | 51–60 лет | Неполное среднее | Среднее | Высшее |
| — да | 80 | 84 | 73 | 83 | 90 | 84 | 79 |
| — нет | 9 | 6 | 11 | 11 | 5 | 7 | 10 |
| — затрудняюсь ответить | 11 | 11 | 16 | 6 | 5 | 10 | 11 |

Установленный московским правительством порядок учёта и регистрации мигрантов является предметом постоянного осуждения, проводимого, в частности, средствами массовой информации. Он характеризуется как антиконституционный, ограничивающий права приезжих и делающий их незащищёнными во всех отношениях. Этот порядок, по утверждениям журналистов и самих приезжих, оставляет широкий простор для злоупотреблений со стороны чиновников и работников милиции, порождает настроения регионального эгоизма. Тем не менее абсолютное большинство москвичей этот порядок поддерживает.

Так же единодушны москвичи и в поддержке практики московской милиции, проверяющей документы на улицах Москвы, в метро (см. табл. 10).

**Считаете ли Вы необходимыми и обязательными
проверки документов работниками милиции?**

(в % от числа опрошенных)

| | Общее по массиву | Возраст | | | Образование | | |
|---------------------------|---------------------|--------------|--------------|--------------|---------------------|---------|--------|
| | | До 20 лет | 31–50 лет | 51–60 лет | Неполное среднее | Среднее | Высшее |
| — да, безусловно | 50 | 64 | 44 | 50 | 79 | 48 | 49 |
| — да, отчасти | 25 | 12 | 28 | 30 | – | 26 | 28 |
| — наверное, нет | 12 | 15 | 15 | 9 | – | 12 | 12 |
| — категори- чески нет | 8 | 7 | 8 | 5 | 21 | 8 | 5 |
| — затрудняюсь ответить | 5 | 1 | 5 | 6 | – | 5 | 6 |

Согласно данным, приведённым в таблице, считают необходимыми и обязательными («безусловно» и «отчасти») проверки документов 75% опрошенных по массиву; 12% респондентов ответили, что такого рода проверки «наверное» не нужны. И только 8% выступили категорически против этих проверок.

Выводы

1. Результаты опроса демонстрируют прочно укрепившуюся в массовом сознании москвичей убеждённость в том, что миграционные потоки значительно осложняют положение жителей города в целом ряде отношений, влияя на ситуацию на рынке труда; на возможность оказания поддержки социально незащищённым москвичам со стороны Правительства Москвы; ухудшая криминогенную обстановку и порядок в городе.

2. Многонациональный состав миграционных потоков, различие традиций и культуры общежития не только меняют «национальное» лицо города, но и в силу неспособности Москвы «ассимилировать» приезжих значительно обостряют состояние межнациональных отношений.

3. Основным условием решения проблемы является, по мнению абсолютного большинства опрошенных, жёсткий контроль за спе-

цифкой миграционных потоков в Москву — отсюда и проистекает практически единогласная поддержка таких начинаний московского правительства, как регистрация, учёт приезжих и обязательные проверки документов на улицах Москвы, в метро.

4. Анализируя специфику выступлений московских СМИ по проблемам миграции в Москве, мы особо поддерживаем необходимость систематического слежения за тенденциями в освещении этих проблем; предоставления журналистскому корпусу необходимой информации об изменениях качественного и количественного состава миграционных потоков; сведений о работе московского правительства и правоохранительных органов по поддержанию правопорядка и стабильности и толерантности во взаимоотношении этнических групп населения Москвы

5. Учитывая остроту проблемы рынков в массовом сознании москвичей, считаем целесообразным рекомендовать проведение специального социологического исследования, посвящённого этой проблеме.

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ

АПРЕЛЬ

14–15 апреля 2011 г.

Международная научная конференция — Третьи Санкт-Петербургские социологические чтения «Социальная стратегия российской системы образования» — Россия, Санкт-Петербург.

Организаторы: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Комитет по образованию Государственной Думы Российской Федерации, Комитет по науке и высшей школе Санкт-Петербурга, Законодательное собрание Санкт-Петербурга, Российский гуманитарный научный фонд, Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, Российская академия образования, Социологический институт РАН, факультет социологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета и другие научно-образовательные сообщества.

Контактная информация: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, тел. (812) 571-46-62.

14–16 апреля 2011 г.

Конференция «Гаспаровские чтения — 2011» — Россия, Москва.

Организаторы: Институт восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

Контактная информация: Н. В. Брагинская, 1satissuperque@gmail.com; Н. П. Гринцер, grintser@mail.ru

15–16 апреля 2011 г.

Международная научно-практическая конференция «Информационно-коммуникационное пространство и человек» — Россия, Пенза.

Организаторы: Научно-издательский центр «Социосфера», кафедра иностранных языков факультета государственного управле-

ния, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Витебский государственный медицинский университет, Пензенская государственная технологическая академия.

Контактная информация: тел.: (8412) 68-68-45 — генеральный директор НИЦ «Социосфера» Дорошина Илона Геннадьевна, главный редактор — Дорошин Борис Анатольевич.

Эл. почта: sociosphera@yandex.ru

21–23 апреля 2011 г.

II Всероссийская научно-практическая конференция «Социально-экономические и психологические проблемы управления» — Россия, Москва.

Организаторы: Департамент образования города Москвы, Московский городской психолого-педагогический университет, научно-исследовательская лаборатория «Организационная и экономическая психология» МГППУ.

Контактная информация: Москва, Шелепихинская наб., д. 2А, стр. 1.

Тел.: (8-499) 259-19-09; Круппа Александр Владимирович (+79037907280) a.kruppa@mail.ru, Шляхова Елена Вадимовна (+79162581370), <http://gmu.mgppu.ru/>

МАЙ

5–6 мая 2011 г.

Международная научно-практическая конференция «Теория и практика гендерных исследований в мировой науке» — Россия, Пенза.

Организаторы: Научно-издательский центр «Социосфера».

Контактная информация: (8412) 68-68-45 — генеральный директор НИЦ «Социосфера» Дорошина Илона Геннадьевна, главный редактор — Дорошин Борис Анатольевич.

Эл. почта: sociosphera@yandex.ru

15–16 мая 2011 г.

2-я Международная научно-практическая конференция «Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия» — Россия, Пенза.

Организаторы: Научно-издательский центр «Социосфера», Российско-Армянский (Славянский) государственный университет, Шадринский государственный педагогический институт, Пензенская государственная технологическая академия.

Контактная информация: (8412) 68-68-45 — генеральный директор НИЦ «Социосфера» Дорошина Илона Геннадьевна, главный редактор — Дорошин Борис Анатольевич.

Эл. почта: sociosphera@yandex.ru

18–19 мая 2011 г.

Научно-практическая конференция «Экология пространства: исторические парки Санкт-Петербурга и его окрестностей» — Россия, Санкт-Петербург.

Организаторы: Федеральное государственное учреждение «Государственный комплекс “Дворец конгрессов”» Управления делами Президента Российской Федерации (Константиновский дворец).

Контактная информация: тел./факс: (812) 438-58-07, allanikz@yandex.ru

ИЮНЬ

1–2 июня 2011 г.

Международная научно-практическая конференция «Социально-экономические проблемы современного общества» — Россия, Пенза.

Организаторы: Научно-издательский центр «Социосфера», факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге, Пензенская государственная технологическая академия.

Контактная информация: (8412) 68-68-45 — генеральный директор НИЦ «Социосфера» Дорошина Илона Геннадьевна, главный редактор — Дорошин Борис Анатольевич.

Эл. почта: sociosphera@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на научную монографию д.с.н. И. А. Сосуновой
«Методология и методы современной социальной экологии»

В конце 2010 г. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований издательством МНЭПУ была опубликована научная монография д.с.н. И. А. Сосуновой «Методология и методы современной социальной экологии».

Появление данной монографии весьма своевременно. В наши дни новая наука — социальная экология — оказывается всё более востребованной, поскольку современное понимание развития как прогресса включает не только количественный рост материальных благ, но и защиту, и улучшение качества окружающей среды, сохранение экологического равновесия на планете Земля. Если рассматривать взаимоотношение общества и природы в таком аспекте, то многие проблемы общественной жизни и категориальная система ценностей получают новое значение, становятся предметом исследований и с социологической точки зрения при учёте социально-природной сущности человека.

Автор рассматривает при этом социальную экологию как специальную науку, входящую в состав социологии, однако обладающую специфическим междисциплинарным характером и изучающую в первую очередь взаимосвязь и взаимовлияние социальных и экологических процессов, особенности влияния антропогенной экологической ситуации на различные сферы жизни общества и т. д.

Особое внимание автора уделяется таким научным категориям, как социально-экологическая напряжённость, социально-экологические доминанты, экологическая мораль и др. Несомненным достоинством монографии является систематизация научных методов изучения социально-экологической ситуации, освещение факторов и закономерностей возникновения и развития социально-экологической напряжённости в зонах экологического неблагополучия, развёрнутая оценка состояния и перспектив развития социально-экологической ситуации в стране.

Затронутый в книге круг актуальных проблем социальной экологии является чрезвычайно широким. Это обстоятельство отражает

особенности жизни современного общества, когда понятия «качество жизни», «качество среды обитания человека» и «качество жизнедеятельности» необходимо рассматривать в их тесной взаимосвязи. Так, под качеством жизни чаще всего, так или иначе, понимается совокупность связей между человеком, обществом, в котором он живёт, и окружающей природной средой, в которой каждый из этих элементов имеет свойственный ему характер.

Разумеется, социальная экология пока ещё не сформировалась полностью как наука. Она находится в процессе становления и с точки зрения определения её предмета, и с точки зрения развития её методологии и методов, систематизации категорий и понятий. Тем более своевременной и полезной выглядит новая монография. Надо отметить, что, несмотря на достаточно значительный объём книги, её ни в коем случае нельзя упрекнуть в компилятивности. В ней обобщаются и развиваются в первую очередь результаты оригинальных теоретических и эмпирических исследований, выполненных автором за последние годы, в том числе при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда. Также в монографии приводится и большой объём новых, ранее не публиковавшихся материалов. Теоретические выводы подкрепляются результатами многочисленных социологических исследований, основная часть которых выполнена под руководством автора.

Необходимо отметить, что научные работы И. А. Сосуновой уже внесли заметный вклад в развитие социальной экологии и известны не только в России, но и за рубежом по публикациям и докладам на авторитетных социологических конгрессах. Новая книга продолжает ряд этих ценных работ и является творческой удачей автора.

Несомненно, что научная монография заслуживает заинтересованного внимания коллег, специалистов в области социологии, экологии, государственного управления, преподавателей, аспирантов, студентов, всех, кто активно работает в области взаимоотношений общества и природы.

*Проф., д-р Данило Ж. Маркович,
Сербская академия образования, Белград*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи просим оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объём рукописи не должен превышать 10—12 стр.** Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — полуторный. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. Все **знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, чёрными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он даётся **в конце статьи**.

6. К статье прилагается её **электронная версия в виде дискеты** или **диска**.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берёт на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук). С порядком рецензирования можно ознакомиться на сайте журнала.

К статье **обязательно** прилагаются:

— **аннотация** (резюме) объёмом 15—20 строк на русском и английском языках;

— **список 3—4 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

— **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф. И. О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, учёная степень, а также **данные для связи с автором** — адрес, номера телефонов (служ., дом., моб.), электронный адрес.

По электронной почте статьи принимаются только по договорённости с редакцией (обязательно в заархивированном виде). Материалы по почте просьба присылать исключительно в виде простых почтовых отправлений.

Решение о публикации выносится в течение 2 месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются.

С содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете: **<http://www.poisk.miskp.ru>**

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

**П.О.И.С.К.: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура**

Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 2 (31), март — апрель 2011 г.

Перевод на англ. яз. О. Н. Мамонова

Лит. редактор Л. Г. Королёва

Оригинал-макет О. И. Комиссарова

Учредитель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы
«Московский институт социально-культурных программ»
127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2.

Издатель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы
«Московский институт социально-культурных программ»
127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2.

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного
наследия по Центральному федеральному округу. Свидетельство о
регистрации ПИ № ФС1-01933 от 6 октября 2005 г.

Индекс по каталогу ООО «Агентство «Роспечать»: 36938.

Цена свободная.

Адрес редакции

125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/12, стр. 2.

Проезд: ст. м. «Арбатская».

Телефон: 8 (495) 691-69-14, 8 (495) 927-01-98 (доб. 124).

Факс: 8 (495) 681-17-53.

E-mail: redactor@miskp.ru

Сайт в Интернете: <http://www.poisk.miskp.ru>

Распространение

Журнал «ПОИСК» направляется членам Правительства Москвы, депутатам Государственной Думы от Москвы, депутатам Московской городской Думы, центральным органам власти Российской Федерации, представительствам субъектов Федерации в Москве, департаментам, комитетам и управлениям Правительства Москвы, руководителям 125 районов Москвы, учреждениям культурно-досуговой сферы Москвы, подписчикам журнала.

Сдано в набор 24.02.11. Подписано в печать 24.03.11.
Дата выхода в свет 12.04.11.

Формат 60x84/16. Гарнитура «Прагматика».
Тираж 1000 экз. Заказ № 206
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17

НИЦ «Академика»
127254, Москва, ул. Гончарова, 15

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Множительный центр»
Московская обл., г. Воскресенск, ул. Заводская, 1